

ДЯДЯ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ 1

АЛЕКСАНДР ГОРБОВ

Александр «Котобус» Горбов
Дядя самых честных
правил. Книга 1
Серия «Дядя самых
честных правил», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70676101

Дядя самых честных правил. Книга 1 / Александр «Котобус» Горбов:

Авторское; Москва; 2024

Аннотация

Мир, где дворяне гордятся магическим Талантом, князьям служат отряды опричников, а крепостные орки послушно отрабатывают барщину. Мир, где кареты тащат магомеханические лошади, пушки делают колдуны, а масоны занимаются генетикой. Мир, где подходит к концу XVIII век, вместо Берингова пролива – Берингов перешеек, а на Российском престоле сидит матушка-императрица Елизавета Петровна.

Именно в Россию и едет из Парижа деланный маг Константин Урусов. Сможет ли он получить наследство, оказавшееся “проклятым”, и обрести настоящий Талант? Или замахнется на великое и сам станет князем? Всё может быть. А пока он постарается не умереть на очередной дуэли. Вперёд, за ним!

P.S. Кстати, спросите Урусова: что за тайну он скрывает? И почему этот “секрет” появился после спиритического сеанса. Тот ли он, за кого себя выдаёт?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	96
Глава 10	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

**Александр
«Котобус» Горбов
Дядя самых честных
правил. Книга 1**

© Александр «Котобус» Горбов, 2024

Глава 1

Внезапный гость

– Эй, Констан!

– Слышь!

Верная примета: когда за спиной так орут – это к драке.

– Стой, разговор есть!

– Де Рюсс, погоди!

Ненавижу, когда меня так называют! Я сунул руку под камзол и проверил пистоль – на месте и заряжен. Ну всё, ребята, вы допрыгались.

– Да стой же!

Не торопясь и натянув на лицо высокомерное выражение, я обернулся.

Кто бы сомневался: два студента с Артистического факультета, известные задиры. Спорим, я могу предсказать, что эти наглецы скажут? Что-нибудь вроде: «Де Рюсс, а правда, что у вас в Московии...»

– Де Рюсс, скажи, правда, что у вас в Московии все такие тупые, что не могут получить звание магистра?

Ну, что я говорил?! Прищурившись, я разглядывал наглую парочку. По виду оба южане: чёрные волосы, горбатые носы, заострённые уши. Гасконцы? Сейчас проверим.

– А правда, что в Гасконе, – передразнил я наглецов, – де-

тей головой вниз роняют? И приходится их отдавать на Артистический факультет, чтобы они хоть зад научились вытирать?

Парочка вспыхнула. Ага, угадал!

– Дуэль!

– Да! С обоими!

– Согласен, – я слегка поклонился, – прямо сейчас и здесь.

Нечего откладывать драку. А то знаю я этих гасконцев – придут толпой, и вместо дуэли получится поножовщина.

– Да, сейчас.

Дуэли студентов – дело привычное. Но в Университете Сорбонны поединки разрешены исключительно на магических пистолях – смертей почти не бывает, только почётные шрамы. Иногда, если не повезёт, могут выбить глаз, но этим гордятся особенно сильно.

– Приступим!

Один из оскорблённых гасконцев шагнул вперёд и встал в стойку. Повернулся ко мне правым боком, вытащил пистоль и стал медленно поднимать вытянутую руку.

Дурачок, думаешь я буду ждать, пока ты прицелишься? Я резко выхватил пистоль и выстрелил от бедра.

– А-а-а-а!

Хах! Попал! Гасконец выронил оружие и схватился за горло. Не будет тебе шрамов, дружок. Поваляешься минут пять с удушьем и поймёшь, что со мной нельзя связываться.

– Де Рюсс, – второй драчун выхватил пистоль, – со мной

дерись!

– Как скажешь, красавчик.

Бах! Этому я засадил выстрел в голову. Тоже неплохо – сотрясение ему обеспечено.

– Прощайте, господа.

Я опустил пистоль и крутанул его по спусковой скобе на указательном пальце – мой «фирменный» победный жест. Спрятав оружие, я насмешливо поклонился валявшейся на мостовой парочке.

– И не забывайте – согласно Кодексу, повторная дуэль возможна только через месяц.

Оставив драчунов, я двинулся дальше по улице. Всё-таки надо благодарить судьбу, что у меня есть «секрет», научивший так стрелять. Но о нём я расскажу потом, когда не будет лишних ушей и глаз.

* * *

Как ни крути, оскорбления гасконцев имели под собой почву. Семь лет я учусь в Сорбонне, а получение магистерского звания всё так же далеко. И никаким старанием этого не исправишь. Мне уже намекнули знакомые профессора: ректор запретил проводить со мной диспуты, необходимые для сдачи. Говорят, сказал прямо: варвар из дикой России никогда не получит степень. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

По дороге домой я заглянул в лавку старика Жана. Года два назад я выгнал из его подвала крыс – несколько простых Знаков на стенах и три часа на вырисовку Печати. С тех пор он бесплатно снабжает меня продуктами и подкидывает мелкую работёнку.

– А, Констан!

Увидев меня в дверях, Жан приветливо осклабился.

– Всё ещё не магистр?

Да ёшки-матрёшки! Они сговорились, что ли?

– Привет, Жан. Даже не собираюсь. С магистра ты станешь брать двойную цену за свою ветчину. Кстати, отрежь мне кусок на ужин.

Лавочник расхохотался от незатейливой шутки и поманил меня пальцем.

– Констан, есть большой заказ.

– М-м?

– Амбары на том берегу Сены.

– Опять крысы, – я хмыкнул.

– Ну, а кто? Возьмёшься? Тридцать ливров.

– Пятьдесят.

– Побойся бога, Констан! Там всего два маленьких амбарчика.

Жан двумя пальцами показал, какие это крохотные амбары. Да-да, верю, верю. И наверняка знаю, что Жан сдерёт с заказчика все шестьдесят.

– Только из уважения к тебе, Жан. Сорок пять.

– По рукам!

– На следующей неделе, Жан. Завтра и послезавтра мне надо быть на диспутах.

– Хорошо. Но только обязательно, тебя будут ждать.

Хитрый лавочник подмигнул и отрезал здоровенным ножом шмат окорока. Добавил от щедрот кусок сыра, несколько луковиц и завернул в тряпицу.

– Держи, Констан. Тогда жду тебя в понедельник.

– Договорились.

Будущий ужин я бросил в сумку и двинулся в сторону Сены.

* * *

Последние два года я снимал комнатку в доме Матушки Шалот. Крохотная мансарда, койка, стол и шкаф без дверцы, но мне нравилось: и от Университета недалеко, и от весёлого квартала, и соседи не слишком шумные. А главное, обходится всего пятьдесят су в месяц.

Я уже открывал дверь, когда за спиной раздалось громкое покашливание.

– Dobryi vecher, Konstantin Platonovich.

Что?! Резко обернувшись, я упёрся взглядом в незнакомца. Наверняка, дворянин, по одежде видно. Но не местный – такие парики уже пару лет как вышли из моды. И саквояж в руке иноземный, в Париже таких нет.

– U menya pismo dlya vas.

Пришлось напрячься, подбирая слова подзабытого языка:

– Zdravstvujte. Prohodite, pogovorim u menya bez lishnih svideteley.

Распахнув дверь, я пропустил его вперёд и указал на лестницу. Пока мы поднимались в мансарду, я судорожно вспоминал родную речь.

Мне было двенадцать, когда в Москве случилась вспышка чумы. Жар, беспамятство, месяц не мог встать с кровати. Но я выжил, а родители – нет. Дом оказался в залоге, родня не спешила забрать к себе сироту без Таланта...

Спасибо дальнему родственнику, троюродному дядьке, которого я даже не видел. В тот год в Сорбонну посылали делегацию: десяток великовозрастных балбесов под началом графа Шувалова. К ним-то меня дядька и пристроил.

Вот так я и оказался в Париже. Шувалов со своими балбесами уехал домой несколько лет назад, как только они получили бакалавров. А я остался: на родине без денег, знакомств и протекции делать было нечего. Да и честно скажу – в Париже мне нравилось, а ехать в далёкую холодную страну не хотелось.

– Сюда.

К моему удивлению, русские слова легко сошли с языка сами собой, и даже говорить получалось без акцента.

– Прошу, – я отпер замок и впустил неожиданного гостя в свою скромную комнату. – Кто вы такой?

– Пётр Бобров, к вашим услугам. Я здесь по просьбе вашего дяди, Василия Фёдоровича.

– Дяди?

Кхм, неожиданно. После того как родственник отправил меня в Париж, я больше не получал от него вестей. Хотя он мог бы и помочь деньгами, чтобы мне не пришлось унижаться перед Шуваловым в первые годы.

– И что он хочет?

– Вы должны немедленно возвратиться в Россию.

– Простите, сударь, не думаю. Я не собираюсь уезжать из Парижа.

– Ваш дядя при смерти.

– Соболезную.

– И хочет назначить вас наследником своего состояния.

От такого известия я закашлялся.

– Что? Наследником?

– Да, Константин Платонович. Вы обязательно должны ехать, чтобы дядя утвердил завещание.

Я задумался. Наследство – это хорошо, даже очень. Но путешествие в Россию займёт не один день, а сбережений у меня негусто. Да и неизвестно, что там собирается оставить мне дядька. Трижды перезаложенное поместье? Карточные долги? По рассказам студентов-дворян, такое частенько случалось.

Видя мой скепсис, Бобров слегка улыбнулся.

– Давайте присядем, и я расскажу подробнее. Вы ведь не

виделись с дядей очень давно?

Он поставил на стол саквояж, открыл и принялся выстав-
лять пузатые бутылки.

* * *

– Ты пойми, – Бобров после третьей кружки слегка око-
сел и перешёл на «ты», – я Василия Фёдоровича безмерно
уважаю, ценю и...

Поскольку мой ужин пошёл на закуску, я больше ел, чем
пил, и чувствовал себя вполне трезвым. И Боброва я слушал,
скорее, как развлечение.

– И уважаю, – повторился Пётр, – да, уважаю! Старик,
конечно, не сахар, и соседи его не любят. Но ведь он глы-
ба. Глыбище! Сподвижник самого Петра. А поместье? Какое
поместье! Тридцать тысяч десятин!

– Где?

– Что где?

– Поместье.

– Ммм... В России.

– Это я понял. Где конкретно?

– Там, – Бобров махнул рукой, – рядом с Муромом. Вёрст
десять всего от города.

Мать Божья! Это, похоже, несусветная глушь и провин-
ция.

– А эти... – я щёлкнул пальцами, пытаюсь вспомнить нуж-

ное слово, – как их... Креpostniye. Сколько?

– Душ-то? – Бобров замялся. – Не очень много. Точно не знаю, Василий Фёдорович не любит рассказывать о своих делах.

– Орки?

– Кто?

– Крепостные.

– Да, естественно.

– Тогда не поеду.

Первые три года в Сорбонне меня самого дразнили орком. С пренебрежением и брезгливостью. Пришлось вызывать на дуэль каждого, вякнувшего в мою сторону. Когда счёт побед перевалил за сотню, все молчаливо согласились считать меня человеком.

– Не поеду, – повторил я, – не хочу жить среди варваров-орков.

– И ничего не варвары, – Бобров обиженно поджал губы, – у нас многие дворянские роды оркские. Смешались, конечно, с людьми, но самые что ни на есть орки. У меня тоже орки в роду были. Даже сам Пётр...

– Что Пётр?

– По бабушке, – со значением подмигнул Бобров и поднял кружку. – За Петра Великого!

Мы чокнулись и выпили до дна.

– Всё равно не поеду.

– Но почему?! Кто ты здесь, в Париже? Бедный студент?

А дальше? Пойдёшь работать к какому-нибудь барону? Магические пистолы делать или защитными Печатами стены укреплять? Я прав? На королевскую службу тебя всё равно не возьмут.

Бобров прищурился, выкладывая аргументы, и стал загибать пальцы.

– А в России ты будешь дворянином. С землёй, доходом и уважением.

– У меня нет Таланта.

– Ой, я тебя умоляю!

Он всплеснул руками.

– Думаешь, он там у всех подряд? У меня нет. У московского губернатора – нет. У графа Шувалова – тоже нет! Он сейчас знаешь кто? Генерал-фельдцейхмейстер! Всей артиллерией заведует. Любимчик нашей матушки-императрицы, между прочим.

Вот оно что! А я-то думал, на кой чёрт Шувалов чуть ли не за свой счёт учил в Сорбонне этих балбесов. Он оружейников из них готовил, и сам, похоже, нахватался Высокого искусства.

– Это здесь ты бакалавр, один из тысячи. А в России будешь уникальным специалистом. Хочешь – сам организуй всякие мануфактуры, хочешь – купцам на заказ делай. Или к матушке-императрице на службу поступай. Она таких, как ты, ценит!

С такого ракурса я на проблему не смотрел. Верно говорит зараза Бобров: деланный маг, знаток Высокого искусства, в России зверь редкий. Своих по пальцам можно пересчитать, иностранцы не часто приезжают. Можно неплохо подняться, если смотреть по сторонам и ловить выгоду.

– А Искусники с Талантом?

– А что они? Ты им не конкурент, они в императорской армии генеральские погоны зарабатывают. Или в сибирских наместничествах сидят.

Точно-точно, я и забыл – у русских дворян считается потерей чести разменивать Талант на низкую работу со Знаками и Печатами. Впрочем, здесь, во Франции, нравы те же самые – дворяне с Талантом или в гвардии короля, или умирят дикарей в заморских колониях.

– Костя, поехали, – Бобров обнял меня за плечи одной рукой, – не пожалеешь. Если не понравится, продашь наследство и обратно вернёшься. Хоть при деньгах будешь. А то смотреть без слёз не получается, как ты живёшь.

Он обвёл рукой мою убогую мансарду.

– Не хочу.

– Ладно, – неожиданно легко согласился Бобров, – тогда давай выпьем!

Из саквояжа появилась ещё одна бутылка.

– Из России привёз, хлебное вино двойной перегонки.

В кружки полилась прозрачная жидкость.

– За матушку-императрицу Елизавету Петровну!

Мы чокнулись. Ох и крепкая, зараза! В желудке стало горячо, а хмель наконец-то дошёл до головы. Бобров, с хитрым прищуром, уже наливал вторуюю.

– Костя, – после третьей заявил он, – поехали в Россию.

– Да чёрт с тобой, поехали! Когда?

– Прямо сейчас. Есть, во что вещи сложить? Нет? Тогда в мой саквояж, он всё равно уже пустой.

Шатаясь и покачиваясь, я прошёлся по комнате, собирая пожитки. Немного одежды, десяток-другой книг, кинжал и старая шпага, доставшаяся от отца.

– Едем, дружище!

На узкой лестнице Бобров чуть не сверзился, но я поймал его за локоть. У выхода из дома нас ждал закрытый экипаж. Возница с лицом, замотанным шарфом, соскочил с козел и распахнул перед нами дверцу.

– Бобров, скажи честно, ты был уверен, что я поеду?

Он пожал плечами.

– У меня выбора нет. Если я тебя не привезу, твой дядя меня в бараний рог согнёт. Он мои карточные долги выкупил.

Я сочувственно хлопнул его по плечу, рухнул на широкое сиденье и почти мгновенно уснул.

Глава 2

Кюисс де греноуй

Разбудил меня сильный толчок. Я дёрнулся, открыл глаза и потряс головой.

– Gorazd tiy spat', Konstantin Platonovich.

Мне потребовалось секунд пять, чтобы понять, – что за небритая рожа маячит напротив, и о чём она говорит. Тьфу ты, ёшки-матрёшки, это же вчерашний знакомец Бобров. А сам я в экипаже и куда-то еду.

Ещё пара секунд, и я вспомнил – в Россию! Напоил и уломал, чёрт языкастый.

– Доброго утра, – буркнул я недовольно, по-новой вспоминая русский язык.

– Да какое утро, за полдень уже.

Я отодвинул занавеску на окошке в дверце и хмуро посмотрел на пейзаж, проносящийся мимо.

– Где мы?

– Недавно Льеж проехали.

Мысленно вспомнив карту, я поморщился. Неплохо мы удалились от Парижа, скоро граница и немецкие княжества.

Бобров повернулся и постучал в стенку экипажа, подавая знак вознице.

– Сейчас остановку будем делать. Заодно и пообедаем.

И правда, через десять минут наш экипаж свернул с тракта и остановился у придорожной гостиницы. Я распахнул дверцу и прыгнул на землю.

Разминая ноги, подошёл к лошадям и удивлённо поднял брови. Механические скакуны с Авалона! Кливлендские гнедые, если не ошибаюсь. Похоже, мне надо менять представление о России. Даже в Париже дворяне предпочитают ездить на живых лошадях, не слишком жалуя заграничные новинки. Может, моя родина и не такая отсталая, как принято считать в Европе. Бродят ли там медведи по улицам, или это досужие байки?

– Костя, – окликнул меня Бобров, – идём. Судя по запаху, здесь вполне сносно кормят.

Обеденный зал в гостинице был светлым, скатерти чистыми, а прислуга симпатичная.

– Что будете заказывать, господа?

Девушка, подошедшая к нашему столику, нарочно выпячивала грудь с глубоким декольте и лукаво улыбалась.

– Рекомендую взять свежайший «кюисс де гренай», с чесноком и горчицей.

– Неси, красавица, – Бобров осклабился, – я сейчас что угодно съем.

– А мне яйца пашот и лотарингский пирог.

– Вина?

Я кивнул:

– Белого.

Хихикнув и стрельнув глазками в Боброва, девица убежала.

— А что там с письмом?

— Какое письмо? — Бобров так увлёкся разглядыванием служанки, что не сразу понял вопрос.

— Ты вчера сказал, что у тебя письмо для меня. Видимо, от дяди.

— Да, точно. Прости, из головы вылетело.

Он вытащил из внутреннего кармана камзола сложенный листок без конверта и протянул мне.

«Priejzjay nemedlenno».

Я моргнул, привыкая к непривычному написанию букв, и перечитал ещё раз.

«Приезжай немедленно. Деньги на дорогу получишь у Боброва. Никому не рассказывай, куда едешь».

Подписи не было. Я поднял взгляд и посмотрел на спутника. Так-так, деньги, значит? Бобров под моим взглядом поёжился.

— Если что, я не читал, — поднял он руки, — довёз, как дали. И тут же полез в другой карман.

— Василий Фёдорович просил передать ещё вот это.

На стол лёг тяжёлый, глухо звякнувший мешочек. Деньги? Очень хорошо. Люблю, когда мне дают деньги просто так.

Я убрал мешочек со стола. Потом посчитаю, после завтрака.

Служанка притащила поднос со снедью и принялась быст-

ро расставлять перед нами.

– Что это?

Бобров потыкал вилкой содержимое своей тарелки.

– Кюисс де гренуй, – я пожал плечами, – лягушачьи лапки.

Лицо моего спутника побледнело.

– Лапы? Лягушек?

– Ну да, – я кивнул, удивляясь странной реакции, – жареные.

Брезгливо скривив рот, Бобров кончиком вилки отодвинул от себя тарелку.

– Господи боже, – у него даже рука дёрнулась, чтобы перекреститься, – что только не едят с голодухи.

– Месье, – девица подалась вперёд, – вам не нравится? У нас лучший «кюисс де гренуй» в округе. Даже месье граф приезжает его откусать.

Бобров замотал головой и буркнул что-то невнятное. Служанка ойкнула и убежала.

– Зря отказываешься, – я сдерживался, чтобы не рассмеяться, – на вкус, как курица.

Он только покачал головой и ещё дальше отодвинул несчастное блюдо.

– Вот он!

К нашему столику вернулась служанка в сопровождении усатого мужчины с поварским колпаком на голове.

– Жан, этот господин отказывается пробовать твой «кюисс де гренуй».

Повар изобразил поклон и надвинулся на Боброва.

– Месье, что вам не понравилось? Я готовлю «кюисс де гренуй» уже двадцать лет, и никто – никто! – никогда не отказывался его кушать.

Бобров отодвинулся на стуле.

– Я просто не хочу.

– Ола-ла! Вы даже его не попробовали!

Служанка зашла с другой стороны и пододвинула тарелку к Боброву.

– Только попробуйте!

– Нет!

– Кусочек!

– Да не хочу я!

– Месье, вы не можете уехать, не попробовав наш «кюисс де гренуй». Я буду считать себя оскорблённым! Все соседи станут говорить – Жан разучился готовить!

– Попробуйте, – служанка говорила с придыханием, будто соблазняла.

– Умоляю! Если люди узнают, они перестанут к нам заезжать. Мы разоримся! Мои дети пойдут просить милостыню, а я буду сидеть на паперти у церкви и умру в нищете!

– Месье, – служанка наклонилась ниже, выставяя напоказ декольте, – я вас прошу. Разве вы можете отказать в такой маленькой просьбе хорошенькой женщине?

Я только посмеивался, налегая на пирог и любуясь комедией с Бобровым в главной роли.

Через пять минут под двойным напором он сдался и позволил уговорить себя съесть один кусочек. Потом второй. А дальше Бобров втянулся и уже без зазрения совести обгладывал лягушачьи лапки.

– Жанна, принеси ещё вина господам. За наш счёт. Пусть знают, кто готовит лучший «кюисс де греной» на этой дороге!

Служанка и повар удалились, довольные победой. Бобров, отложив очередную косточку, посмотрел на меня.

– И правда – как курица. Только прошу тебя – никому не говори, что я это ел. Засмеют же.

Я заверил его, что буду нем, как могила. Ну, правда, съел и съел. Как говорится, в чужие страны свою кулинарную книгу не привози.

* * *

Когда мы закончили с обедом и уже садились в экипаж, к гостинице подъехала карета. Помпезный кучер, слуги в ливреях на запятках, герб на дверце. Сразу видно – кто-то знатный и родовитый.

Из кареты вышли двое: дама невысокого роста с лицом, закрытым вуалью, и высокий мужчина с высокомерно задранной подбородком и острыми ушами. Он мазнул по нам презрительным взглядом и скривил губы, будто увидел жабу. Ты посмотри, какая цаца! Сразу видно – мелкотравчатый

провинциальный баронишка. Без денег, зато с самомнением до небес. Я фыркнул и полез в экипаж.

Бобров долго ёрзал на сиденье, устраиваясь поудобнее. Недовольно кривился и морщил нос.

– Лягушачьи лапки не понравились?

Он потряс головой.

– Никогда бы не подумал, что эдакую дрянь есть буду. И ведь вкусная, зараза!

Я хмыкнул – тоже их пробовал, но мне не понравилось.

– Эльфы надоели. Видел, как этот тип на нас смотрел? Не люблю я их за это.

– Так какой же это эльф? Полукровка, а то и кварталон.

– Да?! – Бобров искренне изумился.

– Во Франции чистокровных эльфов почти нет. Они все на Авалоне, за проливом.

– А откуда тогда полуэльфы?

– Наследие Столетней войны. Пока Карл Седьмой авалонцев не выгнал, они, считай, всех девок перепортили.

– О как, – Бобров покачал головой. – Слышал, что французы авалонцев не любят. Но никогда бы не подумал, что они родня.

– Обычное дело. Среди родни как раз самые сильные раздоры и бывают.

– Вот верно! Очень точно подметил, – Бобров при этом так скривился, что сразу стало понятно: с родственниками у него большие проблемы.

Пока мы трепались на отвлечённые темы, экипаж подъехал к границе. До сложностей этот мир ещё не дорос: никаких загранпаспортов, виз и контроля.

Нас остановили, в экипаж учтиво заглянул унтер пограничной стражи и попросил назвать имена. Сверился с каким-то списком, кивнул и пожелал счастливого пути.

Я выглянул в окно: досматривали только низшее сословие – купцов, крестьян, мастеровых. Дворян пропускали, ни о чём не спрашивая. Дикий век, дикие люди! Если ты благородный, хоть корону Франции вывози, никто даже не посмотрит. Ну и ладно, не моё это дело. Есть король, есть всеильный кардинал, вот пусть у них головы и болят о благе государства.

* * *

Ближе к вечеру мы остановились в каком-то немецком княжестве. Я даже название его выговорить не смог бы, не то чтобы запомнить. Впрочем, особой нужды в ночёвке у нас не было. Поспать можно и в экипаже, сиденья там удобные, а механические лошади способны бежать круглые сутки. Но Бобров настоял:

– Тебе надо посетить портного. Я сейчас пригляделся, это ужас, во что ты одет!

Мне даже обидеться захотелось. Не вижу ничего ужасного, обычная одежда студента: тёплая, добротная и удобная.

Но Бобров настаивал:

– Нельзя тебе ехать в таком виде. Ты, всё-таки, дворянин, лицо благородное. А одет, прости господи, как...

Он скривился, подбирая слово.

– Как лавочник.

Я закатил глаза, но решил не спорить.

– Ладно, давай твоего портного.

Так что мы приехали в какой-то мелкий городок и заняли два номера в гостинице. Бобров узнал адрес портного, и мы двинулись шить мне что-то достойное.

– Тебе по приезду некогда будет этим заниматься. А как ты без хорошего костюма в дворянском собрании появишься?

– Вопрос: зачем мне туда?

Бобров всплеснул руками.

– Здрасьте, приехали. А завешание засвидетельствовать? А вписать себя в дворянский Реестр? Без этого никак нельзя!

Как у них всё сложно-то. Сплошная бюрократия! Честное слово, продам имение и сбегу обратно в Париж.

Портной оказался низеньким, лысым и суетливым.

– Очень хорошо, – он бегал вокруг меня с табуреткой в одной руке и портняжным аршином в другой, – очень-очень хорошо.

– Что именно вас так радует, уважаемый?

– Ваш размер! Вы такой высокий, такой большой. Это же уйма ткани уйдёт! Три примерки, неделя работы.

Он потёр ладошки в предвкушении.

– Не пойдёт, мы должны уехать завтра утром.

– Что вы такое говорите! – замахал он руками. – Так быстро никто не шьёт! Вы хотите, чтобы я портил глаза и шил ночью?

Пришлось Боброву пообещать заплатить вдвое. Коротышка сначала поупирался, пытаясь набить цену. Но угроза уйти к конкуренту возымела действие. Он доснял мерки, и мы вернулись в гостиницу.

– Слушай, – Бобров почесал лоб, – а портной кто? Гном? Я всё время в этих немцах путаюсь.

– Цверг. Гномы ближе к Альпам живут. Ты смотри на бороду – если бреет, значит, цверг, а если заплетает в косички – гном.

– А, понятно, запомню.

* * *

В обеденном зале гостиницы было шумно. Половину столов заняла громкая компания что-то празднующих торговцев. Их отгородили от остальной публики ширмами, но шум всё равно мешал разговаривать.

За соседним столиком я заметил знакомую парочку – двоюродная под вуалью и напыщенный длинный фронт. Я специально сел к ним спиной, чтобы даже не видеть его самодовольную рожу.

Мы с Бобровым покончили с ужином и уже пили кофий, когда позади раздались вскрик и звук бьющегося стекла. Я обернулся.

– Ви есть некодяй!

Дворянка вскочила со стула и гневно смотрела на длинного.

– Ви есть воспользоваться мой доверчивость! Это есть подлость!

Длинный криво усмехнулся и, не размахиваясь, вlepил ей пощёчину.

– Молчи, дура! Ты позоришься, как глупая крестьянка.

Вуаль сбилась набок. А она ничего, миленькая. Да и, к тому же, молода, лет двадцать, не больше.

– Сядь! – Дворянин ударил её ещё раз. Несильно, даже следа не осталось. Но по выступившим слезам было видно, как женщине унизительно терпеть такое.

Ненавижу, когда бьют слабых. Я встал, подошёл к длинному и со всей дури отвесил ему подзатыльник.

Он оказался слабоват. Полетел на пол, вереща, как резаный. Я взял со стола графин и вылил на него сверху.

– Остыньте, сударь. Не позорьте дворянское достоинство.

Глаза длинного пылали ненавистью. Он скорчил гримасу и вскочил, судорожно сжимая и разжимая кулаки.

– Дуэль! Я вас вызываю! Прямо сейчас!

Глава 3

Графиня Эльза

– Сейчас! Прямо сейчас!

Длинный наскочил на меня, брызгая слюной и бешено вращая глазами.

– Чтобы какой-то студент! Меня! Барона!

– Кто-то должен был напомнить вам о чести, – я плюнул ему под ноги, – барон. Дворянин не может смотреть, как оскорбляют честь дамы.

– Щенок! Я сделаю дырку в твоей башке! Дуэль! Немедленно!

К нам подлетел Бобров:

– Завтра, барон, – он говорил по-французски с жутким акцентом, но длинный всё прекрасно понял, – потрудитесь прислать вашего секунданта, чтобы я обговорил с ним место и время.

– Секундант будет у вас через час!

Барон развернулся на каблуках и пулей вылетел из обеденной залы, роняя на ходу мебель. Виновница скандала тоже тихо исчезла, так, что я не заметил.

– Да, Костя, – Бобров хлопнул меня по плечу, – умеешь ты разозлить человека.

Я пожал плечами и вернулся за столик, чтобы допить ко-

фий. Он здесь очень недешёвый, чтобы оставлять почти полную чашку.

* * *

Заняться ни в гостинице, ни в городе было совершенно нечем. Так что я пошёл к себе в комнату, собираясь лечь спать. Но не успел даже раздеться, как в дверь постучали.

— Костя, — это оказался Бобров, — дуэль завтра утром, в парке. Мы успеем сходить перед отъездом. Не волнуйся, я обо всём договорился. Будете стреляться из моих пистолетов, они новые, осечек не дают.

Кажется, он был ужасно рад поучаствовать во внезапном приключении. Подозреваю, что для Петра дуэль — редкость.

— Хорошо, — я кивнул, — тогда доброй ночи. Надо выспаться, чтобы рука была твёрдой.

Бобров разочарованно кивнул. По глазам было видно, что ему хотелось спуститься со мной вниз и продолжить вчерашние посиделки. Увы, я его разочаровал.

Закрыв дверь, я скинул камзол и умылся из таза, заботливо приготовленного прислугой. Побриться, или не стоит? Зеркало здесь мутное, при свече неудобно. Да и не для барона же стараться! А если он меня застрелит, мне уже точно всё равно будет. Я махнул рукой и решил, что бритьё не стоит потраченного времени.

В номер снова постучали. Опять Бобров? Нет, не хочу я

с ним сегодня пить.

– Добрый вьечер!

Я ошибся. За дверью стояла виновница завтрашней дуэли.

– Прошу вас, идите за мной.

Она поманила меня пальцем и двинулась по коридору, оглядываясь и проверяя, не отстал ли я. Забавненько! Ладно, посмотрим, что она хочет.

Девушка привела меня в свой номер и закрыла дверь изнутри на ключ.

– Ви есть настоящий герой!

Она подошла ко мне почти вплотную.

– Ви драться за меня на дуэль. Это так романтик! За меня никто не дрался на дуэль раньше.

– Ну что вы, сударыня! Любой честный дворянин...

– Неть! Вокруг было много дворянин, только ви один сделать.

Улыбнувшись, женщина провела пальцами по моей груди.

– Ви настоящий рыцарь. Буду проводить с вами ночь!

Этьо награда.

Я даже опешил от такого заявления. А она, будто так и надо, взялась расстёгивать тугую верхнюю пуговицу на платье.

– Сударыня, дуэль только завтра. Мне кажется, говорить о награде рановато.

В её взгляде мелькнула сталь.

– Это награда мнье, что я подарить вам такой рыцарский подвиг, – заявила она, – завтра ви можете умереть. Тогда я не

получайт никакой удовольствий и совсем быть без рыцарь. Сегодня! Сейчас!

Женщина с силой толкнула меня на кровать и наконец-то справилась с пуговицами. Ох ты ж, ёшки-матрёшки, как я сразу не разглядел. Да она же цверг! Стоило ей скинуть одежду, как перед моими глазами предстали широкие ноги, развитые плечи, пресс, как у молотобойца в кузне... Впрочем, не будем вдаваться в подробности, она всё-таки дама. И так понятно – цверг, причём без примеси человеческой крови. И насчёт меня у неё были вполне конкретные планы.

Я секунду посомневался и просто расслабился. В конце концов, не вижу в этом ничего предосудительного. Если только слухи не врут, и она не будет холодной, как камень. И вообще, говорят, что гномские женщины бороду не бреют принципиально, так что мне повезло.

* * *

В свой номер я вернулся только под утро. Графиня Эльза Теодора фон Брандершвейк оказалась горячей штучкой. Пожалуй, я был несправедлив к цвергам – там такие страсти бурлят, будто настоящий вулкан. Даже немного жаль, что наше знакомство окажется столь коротким.

Лечь спать я так и не успел. С первыми лучами рассвета ко мне явился Бобров со свёртком в руках.

– Костюм! – радостно заявил он. – Я поторопил портного,

чтобы на дуэль ты отправился в достойном виде. Вдруг тебя убьют?

– Если убьют, мне будет всё равно, в каком виде лежать в гробу. Давай свой костюм.

Студенты Сорбонны никогда не гнались за модой: штаны, рубашка, камзол из прочной ткани, треуголка на голову. Мне нравилось – практично и удобно. А вот одежда для дворян привела меня в бешенство. Штаны – кюлоты, короткие, до колен. Снизу чулки, а то ноги замёрзнут. Причём их надо подвязывать, чтобы не спадали. Сорочка с кружевами на манжетах. Камзол узкий и неудобный. В общем, понятно, почему дворяне не работают, – в такой одежде даже кофе пить неудобно.

– Красавец! – Бобров радостно кивнул. – Хоть сейчас жениться.

– Обойдусь. Я слишком молод для этого.

Не понимаю, чего он так радуется? Будто я не на дуэль иду, а на праздник. Петру так не хватает развлечений? Ну, так стрелялся бы сам, а я рядышком постою.

У входа в гостиницу нам встретился хозяин заведения. Дядька лыбился и многословно желал мне удачи. Судя по взгляду, он страстно хотел пойти с нами, но не мог оставить гостиницу без присмотра.

До парка, где была назначена дуэль, мы добрались минут за десять. К моему величайшему удивлению, там собралась огромная толпа народа: людей, гномов и прочих, штук три-

ста, не меньше. Это что вообще такое? Жители города решили пресечь смертоубийство? Ага, как же!

Толпа начала дружно махать мне руками, а человек десять подошли к нам с Бобровым. Это оказались градоначальник, члены магистрата, врач и гробовщик.

– Гроб, обитый бархатом? – сразу уточнил последний. – Позументы? На могилку поставить крест или плиту с надписью?

– Это что вообще такое? – озвучил я свой мысленный вопрос.

– Жители города хотят посмотреть на дуэль.

– Так, минуточку. Дуэль – дело чести, а не бесплатный цирк. Попрошу всех удалиться!

– Что вам стоит, – мэр взял меня под локоть и начал вкрадчиво шептать на ухо, – у нас так мало развлечений. Городок маленький, скучно. К нам даже бродячие артисты редко приезжают.

– А я тут при чём?

– Пусть останутся, пожалуйста, – мэр подмигнул, – а город отблагодарит. Похороны за наш счёт. Или банкет для победителя. Соглашайтесь, горожане будут вас вспоминать ещё много лет У нас семьдесят два года не было дуэлей. Последний раз граф Костерванц дрался на шпагах с маркграфом Уленшпугелем, и их до сих пор помнят. Прошу вас, не отказывайтесь. Весь город просит!

Я кивнул – да чёрт с ними! Пусть смотрят, если им так

скучно.

– Спасибо, спасибо огромное! – Мэр принялся трясти мою руку. – Мы для вас оружие приготовили, новое, как положено.

Городской врач продемонстрировал мне шкатулку с оружием и откинул крышку, чтобы я оценил парные магические «громобойки». Да, это не студенческие пистолы! Из такой если попал, то второго выстрела не потребуется. Жаль, бобровские проверить не получится, старался ведь парень, тащил ради меня.

– А вот и ваш противник. Умоляю, только не соглашайтесь на примирение!

Я отодвинул градоначальника и направился к противнику. Пора заканчивать этот балаган и просто застрелить барончика.

* * *

Мы сошлись с длинным посреди лужайки. Он принципиально смотрел мимо меня, поджимая губы и надменно хмуря брови. А я улыбался, глядя на этого напыщенного болвана. Как же по-дурацки он выглядит!

– Господа, – секундант барона встал между нами, – в последний раз предлагаю подумать о примирении.

– Не может быть и речи, – длинный цедил слова сквозь зубы, – мне нанесено ужасное оскорбление.

– Тогда прошу выбрать оружие.

Бобров открыл шкатулку с «громобойками» и первому протянул барону. Всё верно – я выбрал драться на пистолетах, а он выбирает, какой из стволов возьмёт.

Я внимательно смотрел, как барон обращается с «громобойкой». Так-так, взвешивает в руке и чуть-чуть хмурится. Оружие держит стволом вверх, согнув руку. Похоже, длинный привык стрелять из пороховых пистолетов – они легче, чем «громобойки», и ствол нежелательно опускать, чтобы не выкатилась пуля. Понятное дело, что забитая в ствол пуля выкатиться не может, но только если рядом не находится дворянин с Талантом. Для него задачка нагреть ствол, чтобы он расширился, и одновременно охладить пулю – на пару секунд. Несколько случившихся скандалов приучили дуэлянтов не опускать ствол, на всякий случай.

– Прошу пройти на свои места.

Мы разошлись на разные стороны лужайки и встали в ожидании команды. Барьеры, две воткнутые в землю шпаги, к которым нам предстояло сходиться, секунданты уже выставили.

В отдалении шумела толпа. Обыватели расселись, будто пришли на пикник, и наблюдали за нами. Между рядами сновали торговцы, разнося лимонад и жареные каштаны. Цирк, а не дуэль!

Среди незнакомцев я заметил графиню Брандершвейк. Она послала мне воздушный поцелуй и многообещающе

улыбнулась. Ох, и женщина! Как она умудрилась связаться с бароном? Тоже мне, нашла кавалера.

– Сходитесь!

Секундант барона махнул платком, подавая сигнал. Что ж, приступим!

Не торопясь, я двинулся навстречу барону. Руку с «громобойкой» опустил вниз, расслабленно покачивая в такт шагам. Длинный же, наоборот, быстро устремился к барьеру, держа пистолет практически перед лицом, стволом вверх. Ну-ну, куда ты так летишь, голубь сизокрылый?

Я не успел пройти и половины расстояния, а мой противник уже приблизился к барьеру. На лице барона расцвела злобная усмешка. Он повернулся боком, принимая дуэльную стойку, и стал выпрямлять руку. Ствол пистолета медленно качнулся в мою сторону.

Не сбавляя шага, я так же спокойно шёл вперёд. Ещё три секунды у меня есть, пока он будет готов стрелять.

Раз. Я широко улыбнулся барону в лицо.

Два. Ствол пистолета почти смотрит прямо на меня.

Три.

Бах! Выстрел «громобойки» прозвучал оглушительно.

Толпа зрителей ахнула. Над деревьями поднялась стая ворон и закружилась над поляной, громко каркая.

Барон пошатнулся, выронил пистолет и упал навзничь.

Вот такие дела. Не стоит вызывать на дуэль человека, натренированного стрелять от бедра. Но барону это знание уже

не пригодится.

* * *

Провожая меня к экипажу, графиня утирала слёзы шёлковым платочком.

— Констан, — она взяла меня за руку, — мне так жаль, что вы едете в свой далёкий Россия. Я есть вспоминай наша встреча, как лучший день.

— Милая Эльза, я тоже буду хранить этот день в своём сердце.

— Констан, если вы будете проезжать мимо, помните: замок Норготронштайн всегда открыт для вас. Приезжайте в любое время!

— А как же...

— Граф Брандершвейк? — Эльза махнула рукой. — Он есть занят свой мануфактур. Совершенно ни на что не обращайтесь внимание. Приезжайте, Констан. Я буду ждать и надеяться!

Я тоже надеялся, что она больше не будет связываться с такими мутными сердцедами, как покойный барон. В следующий раз поблизости может не оказаться дворянина, следующего правилам чести.

— Ну, ты даёшь! — в который раз восхитился Бобров, когда экипаж тронулся. — Такой выстрел! Даже руку поднимать не стал. Ох, не завидую я нашим забиякам, когда ты приедешь.

Он покачал головой и прищурился, как объевшийся сме-

таны кот.

– Самое главное, ты живой и невредимый. Надеюсь, и с дядей сумеешь поладить. А то я устал мотаться на этой колымаге туда-сюда.

– Стоп. Вот с этого места подробнее, пожалуйста.

Бобров отвёл взгляд.

– Да, собственно, нечего тут рассказывать.

– Нет-нет, ты что-то не договариваешь. Давай, дружище, рассказывай, как есть.

Вздохнув, Бобров сделал виноватое лицо.

– Ты уже четвёртый кандидат в наследники.

– А куда остальные делись?

– Василию Фёдоровичу они не понравились. Он их выгнал. Сказал, никуда не годные людишки.

Как-то странно дядя умирает: перебирает претендентов, не торопится.

– Ага. Значит, и меня может?

В ответ Бобров развёл руками.

– Я не оракул, кто знает, что Василию Фёдоровичу в голову придёт. Не волнуйся, если он тебя выгонит, мы тебе соберём денег на обратную дорогу. Или останешься у нас.

Мне захотелось грязно выругаться. Знал бы сразу – ни за что бы не поехал!

Глава 4

Дальняя родня

За окном экипажа пролетели немецкие княжества, Пруссия, Польша. На ночёвки мы почти не останавливались: после того как я чуть не встрял во вторую дуэль, Бобров решил не рисковать моим здоровьем. А вдруг я не буду так же удачлив в следующий раз? Ему тогда опять ехать за наследником.

— А ты забияка, — хмурился Пётр. — Не хочешь на военную службу? Там таких любят. Будь добр, дай тебя довести к Василию Фёдоровичу, а там поступай, как знаешь.

Я только пожал плечами. Характер такой: не люблю хамов, наглецов и заносчивых пустышек. Но видя, как нервничает Бобров, взял себя в руки и не лез на рожон.

К границе Российской Империи мы подъехали в сумерках. Вот это, я понимаю, порядок: каменное здание пограничной стражи, солдаты в карауле, мрачные таможенники, полосатые столбы с гербом. Всё, как полагается для рубежей серьёзной страны.

Досмотр тоже занял больше времени, чем на европейских границах. Усталый офицер проверил экипаж, выискивая недозволенные товары. Казённый лекарь учинил беглый осмотр, что никто не болен, — чуму здесь знали хорошо и относились со всей строгостью. Тот же офицер потребовал

документы – пашпорты, как он выразился.

Если к Боброву вопросов не возникло, то мои бумаги вызвали у пограничника подозрения. Естественно! Кроме разрешения на выезд, с которым я уехал в Париж, у меня имелись только диплом бакалавра и справка о достойном поведении, выданная студенческим братством.

– Пройдёте к коменданту заставы, – офицер указал на здание.

Бобров толкнул меня и шепнул:

– Главное, скандал не устраивай, объясни, как есть, и не вздумай давать взятку. У тебя столько нет, сколько они хотят!

Мне пришлось ждать почти час, пока меня соизволят принять. Комендант оказался седоусым майором с обветренным лицом и морщинами вокруг глаз. Да, нелёгкая у них тут служба, наверняка, нервная. Это я спокойно ждал, а какой-нибудь князь сразу вопить начинает, неприятностями грозить.

– Константин Платонович, – майор, щурясь, скользил взглядом по документам, – Урусов. Вы же...

– Нет, не князь, – я усмехнулся, – просто дворянин.

Семейную историю мне рассказывал отец: прадед был внебрачным сыном князя Урусова, причём из старшей ветви рода. Князь признал младенца, дал свою фамилию, но в титуле отказал. Так что на помощь родственников по отцовской линии я никогда не рассчитывал – не любят они бастар-

дов.

– Урусов, – майор нахмурился, – вашего отца звали Платон Андреевич, верно?

– Да, так и есть.

Лицо седоусого подобрело.

– Как же, как же, знал я вашего батюшку, – он покачал головой. – Земля ему пухом. Рано ушёл Платон.

Я только кивнул в ответ. Большую тему трогать не хотелось, даже со знакомым отца.

– Вот что, – майор вернул мне документы, – Константин Платонович, вы об указе «О недопущении истечения умов» слышали?

– Нет.

– Год, как императрица подписала. В частности, там запрещается выезжать за границу России деланным магам с дипломом.

Он со значением на меня посмотрел.

– Вот, скажем, учился за границей, приехал к родне, а обратно уже нельзя, – майор дёрнул себя за ус. – Только по высочайшему разрешению.

Ничего себе! Вот это строгости. Это значит, и меня не выпустят? Хорошенькое дельце.

– А вы, Константин Платонович, – продолжил майор и подмигнул мне, – ещё не въехали.

Намёк был яснее некуда. Всё, что мне надо сделать, – выйти отсюда и ехать в обратном направлении.

За время пути я многое успел обдумать. Пока Бобров спал, я смотрел в окно экипажа и заново переосмысливал жизнь. По зрелому размышлению стало понятно: в Париж я возвращаться не хочу. Сто раз был прав Бобров – кем я там был? Студентом без денег, связей и перспектив. Ехать к любвеобильной графине тоже смысла нет. Уж что-что, а судьба жиголо и нахлебника меня никогда не привлекала. Осесть в Пруссии или Австрии? Ни за что! К эльфам на Авалон? Держи карман шире! Там хорошо, если дворником устроюсь, – не любят они инородцев.

– Нет, – я посмотрел в глаза майора, – мне надо в Россию.

Упускать шанс с наследством было бы глупостью. А не оставит дядя ничего, так всегда смогу придумать что-нибудь. Да к тому же Шувалову в пушкари подамся. Что я, гаубицу сделать не смогу? Да всяко лучше его балбесов.

Майор хмыкнул и протянул мне бумагу.

– Разрешение на въезд, Константин Платонович. Добро пожаловать в Россию.

* * *

На следующей же остановке я с удивлением заметил, что наш возница снял шарф с лица. Ёшки-матрёшки, да он настоящий орк! Зелёная кожа, клыки, будто дикий хищник. Только вот глаза голубые и добрые.

– Кузьма я, ваш благородие. Василия Фёдоровича кре-

постной.

Орк низко поклонился.

– Зачем лицо прятал?

– Так ведь не любят в европках нашего брата, ваш благородие. В прошлый раз ездил, так на улицах пальцами тыкали. Стража останавливала всё время. А в городе Парижу вообще бы не пустили меня.

В самом деле? Я нахмурился, вспоминая порядки во французской столице. Кстати, вполне может быть, совершенно в их духе, ни одного орка я там никогда не видел.

– Константин Платонович, – орк ещё раз поклонился, – можно сказать?

– Давай.

– А лихо вы того барона! Бах только, и всё. Сколько раз дуэли между дворянами смотрел, никогда такого не видел.

Я усмехнулся. Что есть, то есть, производит впечатление.

– Держи, братец, – я дал ему несколько мелких монет серебром. – Как приедем, выпей за мою руку, чтобы и впредь не дрогнула.

– Так точно, ваш благородие! Это мы завсегда!

Оставит мне дядя наследство, не оставит, а на челядь надо произвести впечатление. Господа от слуг, а тем более – крепостных, зависят не меньше, чем слуги от господ. Приказы ведь можно по-разному выполнить – на «отстань» и с душой. Так что хорошее отношение к себе надо воспитывать заранее.

До Москвы доехали без приключений. Я больше молчал, разглядывая местность вдоль дороги. Страна как страна, не хуже Франции, если судить по совести. Дороги, конечно, похуже, но в Европе и расстояния поменьше. Придумывают больше, что здесь медведи по улицам ходят.

А вот сама Москва меня поразила. Да, знаю, она давно уже не столица, но до чего же хороша! Церкви, дома, улочки, бульвары, девицы прогуливающиеся. Красота! К тому, что здесь каждый второй с зеленоватым оттенком кожи, я привык довольно быстро. Ну зелёная, что такого? Вы когда-нибудь видели студентов Сорбонны наутро после диспута? Там цвет не хуже будет.

Кстати, медведей я так и не увидел, ни одного. Даже как-то разочаровался – столько раз слышал, что здесь они на каждом шагу, а их нет вовсе. Зато кареты, запряжённые механическими лошадьми, на каждом шагу. Это же сколько денег на них потрачено!

– В какой гостинице остановимся?

Бобров почесал в затылке.

– Дорого здесь всё. Я так подумал: а заедем-ка мы с тобой к Голицыным. Я с младшим наследником князя учился вместе, вот и нагрянем в гости. Да и ты им не чужой, вроде как.

– В смысле?

– Мать твоё в девичестве Голицына была, если не ошибаюсь. Из младшей ветви, но всё-таки родня.

Я поджал губы. Где была эта родня, когда я остался один-одинёшенек?

– Соглашайся, – Бобров хлопнул меня по плечу, – если не примут, найдём гостиницу.

По некоторому раздумью я дал согласие. Ладно, чёрт с ними, с делами прошлого. Завести полезные знакомства не помешает, а заодно посмотрим, насколько у меня плохие манеры. В высшем свете я никогда не был и не представляю, как там себя вести.

Московское подворье князей Голицыных занимало целый городской квартал. С размахом живут, родственнички! Дворец, торговый дом, школа для многочисленных отпрысков и дружественных семей, мрачный Каземат oprichnikov. По крайней мере, так объяснил Бобров, специально приказав объехать вокруг подворья.

Интересно, а «oprichniki» – это же личные войска князя, да? А как на это смотрит императрица? Надо будет разобраться во внутренней политике поглубже. Боюсь, здесь всё не так просто и отличается от европейских порядков.

* * *

Лакей в парадной ливрее открыл нам дверь и согнулся в поклоне. Кстати, обычный человек, а не орк.

– Пётр Бобров и Константин Урусов, – заявил мой спутник, – прибыли выразить почтение князю Алексею Дмитриевичу.

– Прошу вас, господа, – лакей указал на диванчик под фikusом в кадке. – Извольте обождать, я доложу о вашем визите.

Бобров кивнул и уселся под развесистыми листьями.

– Бывает, – шепнул он мне, – и по часу ждать приходится. Мы с тобой – птицы невысокого полёта, может, не князь, а кто-то из наследников нас примет.

На удивление, лакей вернулся через пару минут и пригласил следовать за ним. У Боброва даже лицо вытянулось – его так быстро никогда не принимали.

Через анфиладу залов нас привели в эдакую домашнюю комнату, мужской вариант будуара. На стенах оружие, горящий камин, кресла, ковры на полу. Чувствовалось, что здесь хозяин устраивает не официальные приёмы, а личные встречи.

– Петруша!

Нам навстречу поднялся пожилой человек с проседью на висках, одетый в домашний халат, расшитый золотом, и турецкую шапочку.

– Как ты редко заходишь, Петруша, – князь Голицын, а это был именно он, покачал головой. – Забыл нас, безобразник.

– Что вы, Алексей Дмитриевич, как можно!

Голос моего спутника стал елеиным. Он подошёл ближе и

согнулся в низком поклоне. Князь улыбнулся, протянул ему руку, и Бобров почтительно поцеловал массивный перстень на пальце князя.

Ах, дружище Бобров! Ты ведь мне недоговаривал, хитрый лис. Знаком, значит, с младшим наследником? А этот поцелуй, он что значит? Не покровительство ли князя? Пожалуй, сделаю вид, что не заметил, но на будущее учту.

– Разрешите вам рекомендовать, Алексей Дмитриевич, – Бобров указал на меня, – Константин Урусов. Бакалавр Сорбонны.

Я поклонился с достоинством и не слишком прогибаясь. Пусть родственник, но надо сразу обозначить свою независимость.

– Вижу, вижу, – Князь доброжелательно улыбнулся, – урусовская статья, сразу заметно. А глаза наши, голицынские.

Он шагнул вперёд и протянул мне ладонь. Рукопожатие у князя оказалось сильное, несмотря на лёгкое сложение.

– Рад видеть, – он указал на кресла, предлагая присесть, – очень рад.

– Как приехали в Москву, сразу к вам, – разливался соловьём Бобров, – даже селиться в гостиницу не стали.

– Что вы, – князь махнул рукой, – у нас и остановитесь. Какая может быть гостиница? Что мы, места для друзей не найдём?

Взгляд Алексея Дмитриевича оказался цепким и острым. Он разглядывал меня, спрашивая о мелочах и интересуясь

парижской модой. Одновременно меня взвесили, измерили и, видимо, нашли пригодным. Интересно, для чего?

– Не буду вас держать с дороги, – закончив осмотр и расспросы, князь поднялся, взял со столика колокольчик и коротко позвонил. – Вас проводят в гостевые покои. Отдыхайте, ужинайте и спите спокойно. Наше подворье под самой надёжной охраной в Москве.

* * *

Здания подворья образовывали большой квадрат, внутри которого располагался внутренний двор. Лакей повёл нас с Бобровым по длинной галерее на втором этаже, так что нам открылись дворик и тренировка молодых Голицыных под руководством строгого наставника. Ёшки-матрёшки! Я впервые видел работу врождённых Талантов так близко.

Вот мальчик лет двенадцати сложил руки перед собой и будто толкнул невидимую стену. С гудением от его рук полетел огненный шар и с громким чпоком разбился о закопчённую стену.

Вот девочка чуть постарше взмахнула руками, быстро опустила ладони к земле. Бочка, стоявшая на брусчатке в трёх шагах, покачнулась и стала погружаться в камень, будто в болото.

– Резче, Анна! – Наставник недовольно скривился. – Враги не будут ждать, когда их засосёт. Резче!

Галерея закончилась, и мы не досмотрели это представление до конца.

Я непроизвольно поморщился. И вовсе это не зависть — если постараться, мне тоже под силу такие чудеса. Но то, что они могут сделать одним движением руки, я должен готовить часами, вычерчивая Знаки и настраивая Печати. Вот почему деланный маг и в подмётки не годится врождённому Таланту.

А главное, было понятно: то, что мы увидели, — детские игры. Это не самые сильные отпрыски рода и только начинающие входить в силу. Взрослый маг с развитым Талантом в одиночку заменяет артиллерийскую батарею на поле боя. К его уровню, даже готовясь год, я не приближусь никогда. Как бы ни старался и какие бы уловки ни использовал. Деланный, одно слово.

Глава 5

Подобрыш

В чём не откажешь Голицыным, так это в умении хорошо покушать. Кормили нас с Бобровым просто на убой. Да не абы чем, а по-взрослому, как в лучших ресторациях Парижа. Даже на завтрак подали какие-то безумные разносолы: зайцы, фаршированные голубями, пироги с многослойной начинкой, солёный заморский шоколад, паштеты четырёх видов и ещё куча всего, что я и запоминать не стал. Как говорится, чтоб я так жил, если мне деньги девать некуда будет.

— Едем, — я поторопил Боброва. — Лучше выехать пораньше, пока не жарко.

Он вздохнул, с сожалением посмотрел на оставшуюся на столе еду, но согласился.

Как бы хорошо нас ни принимали, в душе я чувствовал некоторый подвох. Не просто так Бобров меня сюда привёз, ох, непросто! Будто на смотрины, чтобы князь заранее оценил. А зачем? Какие такие планы они насчёт меня выстраивают? Окончательно в этом я убедился уже перед отъездом.

Словно нарочно, по галерее, где нас вёл лакей, навстречу шла девушка. Хорошенькая, молодая, с пронзительным умным взглядом, редко свойственным такому возрасту.

— Княжна София!

Бобров согнулся в поклоне, подскочил к ней и поцеловал руку.

– Какая встреча! Очень рад вас видеть. А вы хорошеете день ото дня, даже не верится, что такое возможно.

Он рассыпался в комплиментах, достаточно изящных, девушка кивала, улыбаясь. Но смотрела больше на меня, будто оценивала.

– Представьте меня вашему другу, Пётр.

– Да-да, конечно. Константин Урусов, бакалавр Сорбонны.

Я поклонился, но рваться к целованию руки не стал.

– Деланный маг? – В её голосе скользнул интерес.

– Да, ваше сиятельство.

– Как интересно, – княжна прищурилась. – Вы использовали в работе middle wand?

– Конечно, – я кивнул.

– А grand wand?

Действительно интересно. Откуда княжна знает такие специфические тонкости про деланных? Я окончательно утвердился в мысли, что Бобров меня привёз на смотрины.

– Только в качестве эксперимента. Непросто найти подходящую задачу, где требовался бы гранд.

– Да, пожалуй. Вы уже уезжаете? Не буду вас задерживать, – она улыбнулась, – Константин, если будете в Москве, обязательно заходите к нам. Я чувствую, что мы найдём общие темы для бесед.

Так-так, а вот и предложение на будущее. Что же, учту и буду иметь в виду.

Мы простились с княжной и двинулись к выходу из подворья Голицыных. Я украдкой наблюдал за Бобровым – он мечтательно и одновременно грустно улыбался. Пожалуй, будет очень бестактно спрашивать, что его связывает с княжной. Да я и не хочу знать, это его личные дела, а мы не настолько дружны.

* * *

Из Москвы мы выдвинулись по Осьмой государевой дороге, или, как её называют купцы, Сибирскому тракту. Если ехать по ней и никуда не сворачивать, доедешь аж до Китая. Но, честное слово, лучше не надо – трясёт так, что уже к вечеру мне хотелось идти пешком. Не дорога, а сплошные колдобины. Путешествовать по такому пути в темноте – сущее самоубийство. Так что на ночь мы остановились в придорожном трактире.

Вечером я не стал мучить Боброва расспросами. Зато утром постарался выжать из него по полной программе.

– Скажи, зачем Голицыным, – я чуть запнулся, пытаюсь правильно выговорить незнакомое слово, – опричники?

Бобров хмыкнул:

– А как иначе? Голицыны – это не просто дворянский род, а настоящий Дом, маленькое царство внутри империи. Не

только сами Голицыны, но и союзные малые Дома, зависящие купцы первой гильдии, мануфактуры и заводы, поместья и торговые фактории в Сибири. Всё это хозяйство требует защиты и охраны. Для того и опричники.

Он подцепил с тарелки солёный груздь и с хрустом прожевал.

– Ясное дело, между Домами бывают трения и стычки. Порой даже с оружием и боевой магией.

– А императрица как смотрит на эту вольницу?

– Плохо смотрит, – Бобров усмехнулся. – Поэтому Дома в столицах и больших городах стараются не конфликтовать. А вот в Сибири, на Камчатке и Аляске случается всякое. Так что сейчас в Москве одни новобранцы, да резерв, а большинство опричников за Уралом службу несёт.

Кинув по сторонам настороженный взгляд и убедившись в отсутствии лишних ушей, Бобров наклонился ко мне и перешёл на шёпот:

– Кроме того, опричники – это опора императрицы. Приближённых Домов, естественно. Не было бы её, другие Дома давно бы переворот устроили.

Он покачал головой.

– Когда Пётр Великий умер, на престол должен был взойти его внук, Пётр Алексеевич. Так Меншиков с Толстыми и Ягужинскими окружили сенат войсками. Сказали – всех перебьём, если не утвердите Екатерину на царство. В ответ Голицыны с Долгоруковыми своих опричников на улицу вы-

вели, дошло до целой баталии. Если бы Екатерина гвардейские полки не склонила на свою сторону, всё бы по-другому могло закончиться.

Бобров наколол ещё один груздь, но есть не стал, а держал на вилке, рассматривая, как бунтовщика.

– Так же и Анна Иоанновна на трон взошла, так же Бирона от власти отодвигали. Да и матушка-императрица Елизавета Петровна не без помощи опричников корону получила.

Гриб отправился в рот, а Бобров развёл руками.

– Скажи, – раз уж он так разоткровенничался, я решил спросить прямо, – в чём интерес Голицыных ко мне?

– Так ведь дядя твой из рода Шереметевых. Хоть и поссорился со всей роднёй, и знать их не хочет, а состояние может им уйти. Но ты-то не Шереметев! И если дядя тебе всё оставит, шиш они что-то получат.

– Голицыны с Шереметевыми не дружат?

– На ножах, – Бобров ухмыльнулся, – заклятые враги.

Пусть будет так, примем эту версию за рабочую. Но подзреваю, всё гораздо интереснее и запутаннее.

– Ты князю понравился, – Бобров вытер рот салфеткой и отодвинул тарелку, – тем более, родная кровь – не водица. Если увидит, что ты – дельный человек, может предложить в род войти. Попросит императрицу при случае и сменит тебе фамилию. Будешь не Урусов, а Голицын.

Даже не спрашивая, можно было догадаться – Голицыны Урусовых тоже не любят. Прямо скорпионы в банке, а не дво-

рянские роды.

– Поехали? – Бобров поднялся из-за стола. – Быстрее выедем, быстрее доедем. Домой страсть как хочется!

* * *

С отправлением возникла заминка. Пока мы с Бобровым завтракали, с нашим экипажем случилась неприятность. Пьяный в стельку крестьянин притёр к нему телегу, так что экипаж с повозкой сцепились осями.

Кузьма ругался с пошатывающимся мужиком и грозил дать в рыло. Вокруг бегал местный обыватель, представившийся Полесовым, и громко указывал, как расцепить транспорт. Бобров матерился сквозь зубы и хотел лично выпороть на конюшне дурного агрария. В общем, массовое веселье, и все были при деле. Так что я пошёл прогуляться вокруг постоянного двора – размять ноги, а то в экипаже весь день сидеть.

За двухэтажным трактиром стояли какие-то сараи, конюшня и здоровенный сеновал. Там-то я и увидел забавную картину. Три дворовых пса, мелких и брехливых, загнали в угол котёнка. Маленького, размером с ладонь, и рыжего, как огонь. Пузатая мелочь вздыбила шерсть, выгнулась дугой, яростно шипела и лупила крохотной лапой по оскаленным мордам. Смельчак!

Мне стало жаль кроху. Вот точно так же в первый год в

Сорбонне меня загнала в угол парижская шпана. Тогда меня спас кто-то из студентов, напугав подростков выстрелом из пистоля. Надо бы отдать тот должок, решил я и прикрикнул на псин:

– Фу! А ну, пошли отсюда!

Собаки отпрыгнули, скаля зубы и рыча. Ну же, беги, ко-тейка, пока можешь!

Но рыжий смельчак решил по-другому. Ужом скользнул под брюхом ближайшей псины и метнулся мне в ноги. Цепляясь когтями, полез по одежде, как белка, и через мгновение уже сидел у меня на плече.

– Ш-ш-ш!

Котёнок свесился и зашипел на собак сверху. Ах ты, хитрец!

Псины оценили диспозицию, развернулись и потрусили на другой конец двора.

– Молодец, выкрутился. Ну, давай, слезай и беги к мамке.

Но рыжий комок не желал со мной расставаться. Вцепился когтями, удобно устроился и потёрся мордочкой о моё ухо.

– Тр-р-р-р-р-р, – заурчал он.

– Подлиза. Ладно, возьму тебя с собой, Мурзилка ты эдакая. Будешь в дядином поместье мышей гонять.

Бобров подобранной живности удивился, но ничего не сказал. Это правильно, в конце концов, у всех свои причуды. Он грузди ест с чаем, я кота завёл. И вообще, как деланный маг, я имею право на некоторую эксцентричность.

Впрочем, кот отлично развлекал меня по дороге. Спал на плече, урчал, играл с бантиком и ел, что дают. Идеальный компаньон, на мой вкус.

– Муром скоро, – Бобров глянул в окно, и рожа у него стала довольная-предовольная, – хоть выплусь нормально.

– Угу.

– Знаешь, тебе лучше в город не заезжать.

– Почему?

– Уж больно дядю твоего не любят. Никто тебя приглашать в гости не будет, это точно. А как наследство получишь, тогда и явишься в общество, покажешь, что хороший человек, наладишь отношения. А пока лучше сразу в имение поезжай.

– Ты со мной?

– Нет-нет, ты уж сам как-нибудь. Я, знаешь, тоже не хочу лишний раз Василию Фёдоровичу на глаза показываться.

Я вздохнул. Куда я еду? В пасть крокодилу?

– Я выйду на почтовой станции, а дорогу в поместье Кузьма и так знает.

Было видно, что Боброву сейчас не до меня. У него явно намечались какие-то дела в Муроме, особенно важные после долгого отъезда. Он ёрзал, выглядывал в окно и места себе не находил. Понятно, почему он желал избавиться от моей компании побыстрее. Да и пусть! Для встречи с дядей мне помощники не нужны, сам разберусь.

Простились мы тепло.

– Удачи тебе, друг.

Бобров хлопнул меня по плечу.

– Спасибо.

– Ты, главное, не тушуйся. Дядя твой, хоть и с тяжёлым характером, а человек неплохой. Думаю, вы с ним поладите.

– Твои слова да богу в уши.

– Но если не сложится, приезжай. Чем смогу – помогу. Уж точно побираться не придётся.

– И тебе удачи, Пётр. Ещё свидимся.

* * *

Дорога в усадьбу шла через лес. Суровый такой, дикий. Ели до неба, сосны, мох с веток, как длинные бороды. Может, хоть здесь медведи водятся? За столько дней в России так ни одного и не увидел.

Лес кончился, и мы выехали на пригорок. Экипаж остановился, и я услышал, как возница спрыгнул на землю.

– Константин Платонович, посмотрите!

Я открыл дверь экипажа и вышел наружу. Котёнок, занявший место Боброва, открыл один глаз, посмотрел, куда это я, и снова задремал.

– Вот она, усадьба.

Кузьма показал рукой, хотя ошибиться было сложно. Двухэтажный каменный дом с башенками, колоннами на входе и высоким шпилем. Флюгер на шпиле изображал фигуру с косой в руке.

– А вон там, рядом, деревня.

– Как называется?

– Злобино, ваш благородие. Как и усадьба.

А чего я, собственно, хотел? Как может называться деревня, хозяин которой настроил против себя всю округу? Не Добренькое же!

– Ваш благородие, Константин Платонович, – Кузьма тербил в руках шапку и смотрел куда-то вбок.

– Говори, не размазывай.

– Вы на Василия Фёдоровича не обижайтесь, ежели он злиться будет. Сами понимаете, уже два года, как с постели встать не может.

Я хмыкнул. Да, несладкая жизнь у дяди.

– Он человек душевный, добрый по-своему. Ну, палкой огреет в сердцах, ну, выпороть велит. А недоимки в засуху всем прощал. И детей всегда одаривал в Рождество, никого не забывал. Сердце у него слабое, как поругается, так болеет потом. Вы уж помягче с ним, соглашайтесь, что он скажет.

Ты смотри, каков дядя – крепостные-то за него горой, в обиду не дадут.

– Не бойся, Кузьма, с дядей конфликтовать я не намерен. Едем, устал я путешествовать.

* * *

Экипаж вкатился в имение. Кузьма ловко остановился прямо перед парадным входом и открыл мне дверь. И я наконец-то почувствовал – доехал. Всё, в ближайшее время никаких поездок.

Первым на улицу вылетел рыжий Мурзилка и стрелой умчался по своим делам. Похоже, ему тоже надоела тряска в экипаже.

Я выпрыгнул наружу и потянулся. Хорошо-то как! Солнышко из-за облаков выглянуло, птички верещат, ветерок тёплый.

Пока я осматривался, из дома вышла целая делегация. Высокий мужчина в чёрной ливрее, пожилая орка с щербатым клыком и щупленький старичок с хитрым прищуром и острыми эльфийскими ушами.

– Добро пожаловать, Константин Платонович! – Высокий поклонился. – А мы уже заждались. Прошу вас, проходите, сейчас будем подавать обед.

– А Василий Фёдорович?

– Ему нездоровится, он не велел никого к себе пускать.

– Даже меня?

– Никого, – высокий развёл руками. – Прошу вас, откушайте с дороги. Водочку будете? Настоячку? Настасья, – он указал на орку, – ключница, делает замечательную настойку на рябине. Откушаете?

Я кивнул. Чувствую, настойка мне здесь понадобится регулярно. Ещё бы узнать, что означает это загадочное «kluchnicza»?

Глава 6

Злобино

Кормили в Злобино на убой. Порция холодной осетрины с хреном, икра, тарелка рыбной ухи, жареный заяц... Дальше я категорически отказался продолжать. Не может нормальный человек столько есть!

Вся компания: высокий, орка и старичок – покачали головами, будто осуждая меня за малую вместительность.

– Наливочки?

Высокий был тут как тут с хрустальным штофом в руке.

– Давайте.

Я расстегнул верхнюю пуговицу, чтобы хоть как-то дышать. Надо будет сделать этим иродам внушение, что нормальные люди столько не едят.

– Василий Фёдорович, – высокий налил мне рюмку тёмно-бордовой жидкости, – всегда любил плотно откусать.

Орка и старичок разом вздохнули, будто вспомнили самое лучшее в своей жизни.

– А налейте-ка себе тоже, – кивнул я высокому, – и всей вашей компании. Выпьем, познакомимся, и вы введёте меня в курс дела.

– Даже не знаю, – засомневался высокий, – уместно ли будет...

– Уместно, – твёрдо заявила орка и устроилась напротив меня. – Сиживали за одним столом с Василием Фёдоровичем, пили, закусывали. Уместно.

Высокий от такого аргумента сдался и достал ещё три рюмки.

– Я, ваше благородие, дворецкий и управляющий усадьбой, – представился высокий.

– А зовут вас как?

– Так и зовите – Дворецкий.

– Обычное имя у вас же есть?

– Было, – он развёл руками, – но потерялось за годы службы.

Я не стал давить и выпрашивать. Надо будет – узнаю.

– Настасья Филипповна, – улыбнулась орка, махнув рюмку одним глотком, – ключница.

Увидев мой непонимающий взгляд, пояснила:

– Старшая над прислугой. И, по традиции, у меня есть ключи от всего в доме.

– Очень приятно, Настасья Филипповна.

– Лаврентий Палыч, – слегка наклонил голову старичок и чуть пригубил настойку, – Ротшильд. Эконом и управляющий имением. Собираю оброк, назначаю барщину, веду финансовые дела.

Теперь ясно – вся верхушка, управляющая имуществом дяди, сидела передо мной. Полагаю, никто лучше них не знает состояния дел. Но сейчас в денежные вопросы вдаваться

не стоит. Потом, когда увижусь с дядей, надо будет поговорить с каждым в отдельности.

– Мы все, – Дворецкий кашлянул, – очень рады вашему приезду. За время болезни Василия Фёдоровича дела пришли в некоторый упадок. Имение и усадьба требуют твёрдой хозяйской руки.

– Перестань, – толкнула его орка, – мальчик только приехал! Успеет ещё погрузиться в наши проблемы. Пусть отдохнёт, осмотрится, и тогда уже взваливай на него.

Настасья Филипповна посмотрела на меня с нежностью.

– Хотите, мы покажем вам усадьбу? Прогуляетесь, а там и банька будет готова. Поужинаете – и на боковую. А завтра с новыми силами начнёте разбираться с делами.

– Согласен. Ещё по одной, и показывайте.

Настойку я оценил – адски крепкая штука, но пьётся, как вода. И в желудке сразу такое облегчение, будто и не ел ничего.

* * *

Усадьба как усадьба, ничего необычного. Главное здание, где жили хозяева поместья, слуги и Дворецкий с ключницей. Отдельный флигель, где обитал управляющий и хранились бухгалтерские книги. Конюшня, пруд с лебедями, какие-то амбары и сараи, стыдливо спрятанные за живой изгородью. Вот, собственно, и всё хозяйство.

Кстати, на конюшне обнаружился интересный персонаж – кузнец Прохор. Здоровенный орк с наивными глазами, жутко стеснявшийся, когда к нему обращались.

– Что умеешь? – скорее для порядка, чем по-настоящему интересуясь, спросил я у него.

– Да всё могу, барин, – он почесал в затылке, – лошадок механических чиню. Выковать могу, что надо. Часы делаю.

А вот это уже интересно.

– Лошадей, говоришь?

– Ага. Перебрать там, сустав новый сделать, проволоку заменить.

– Новую собрать можешь?

– Так, – он снова поскрёб затылок, закатил глаза, качнул головой, – это, барин. Движитель для лошадушки нужен. Без него бегать не сможет. А его только господа мажьи умеют.

– А если будет у тебя «движитель»? Сможешь?

– Ежели сталь дадите годную, то чё ж не сделать.

Я ещё раз осмотрел Прохора с ног до головы. Врёт, или действительно самородок-механик? Надо проверить, может быть, талант действительно имеется, а у меня есть идеи для его применения.

– Константин Платонович, – Дворецкий потянул меня обратно, – банька готова.

Пришлось оставить кузнеца и отправиться купаться. То есть я так думал, что сейчас будет купание в горячей воде. Мне казалось: баня – это вроде римских терм. В них я был

однажды в Париже – жарко натопленное помещение, в центре бассейн с тёплой водой, можно даже поплавать. Ага, как же!

Русская баня оказалась филиалом ада и рая одновременно. Жарко, пар, орк-банщик всё время плещет на раскалённые камни водой. Я даже сбежать не мог, так разморило. А когда меня уложили на лавку и принялись охаживать веником, то я и вовсе почувствовал себя грешником, которого будут вечно стегать черти.

Ух! Меня окатили холодной водой, и повторилось всё снова. Когда я уже думал, что и умру здесь, меня вывели в предбанник. Закутали в холстину и сунули в руку ледяную кружку с квасом. Я потом узнал – это адское пойло настаивают на хрене, для большей остроты. Не знаю, зачем они это делают, но меня проняло от пяток до макушки.

Вышел из бани я со странным ощущением. С одной стороны, ужас, что там было. С другой – как заново родился. Настолько хорошо, что я бы повторил.

Спать меня уложили в комнате на втором этаже. Я провалился в пуховую перину, будто в облако. Вздохнул, закрыл глаза и мгновенно вырубился. А под боком у меня урчал рыжий комочек Мурзилка, втихаря пробравшийся в спальню.

* * *

– Константин Платонович, – Дворецкий коротко покло-

нился, – пройдёте со мной. Василий Фёдорович желает вас видеть.

Наконец-то! Последние два дня мне приходилось изнывать от бездействия. Я читал, общался с кузнецом и отбивался от попыток Настасьи Филипповны меня накормить. Но ведь не для этого я сюда из Парижа ехал?

Комнаты дяди находились на первом этаже. В первой громоздились книжные шкафы со множеством книг. Во второй по стенам было развешено всевозможное оружие: мечи, алебарды, рапиры, даги, пороховые мушкеты и дуэльные пистолеты, а в углу даже стояла маленькая пушечка. Солидная, однако, коллекция. Только почистить бы не помешало – на клинках были заметны пятна ржавчины.

В третьей комнате находилась спальня. На большой кровати, под балдахином, лежала высохшая мумия. Череп, обтянутый жёлтой кожей, пальцы на руках скрючены, закрытые глаза ввалились. В первый момент я даже подумал, что старик помер, не дождавшись меня. А нет, живой, просто выглядит – хуже некуда.

– Явился, – прохрипела «мумия», открывая глаза, – naslednichек.

– Добрый день, Василий Фёдорович.

– Что, пришёл посмотреть, как я помираю?

– Вы же сами позвали меня.

– Да, вижу. Прилетел стервятник на мертвечину.

От такого наезда я даже закашлялся.

– Дядя, вы сами за мной посылали. Я не напрашивался быть наследником.

– Что, я не вижу? Только и ждёшь, чтобы заграбастать имение. Скажешь, нет?

– По странной причине вы обо мне превратного мнения.

– Бабушке своей сказки расскажи. Стоишь, зыркаешь по сторонам, присматриваешься, что тебе достанется. А руки, небось, так и тянутся за подушкой, чтобы придушить старика? Не терпится получить наследство?

Тут я не выдержал. Да кто он такой, чтобы меня оскорблять? Мало ли, какой он мне родственник!

– Знаете что, дядя. А не пошли бы вы к чёрту лысому. Если бы не возраст, я вызвал бы вас на дуэль и пристрелил, как собаку.

«Мумия» осклабилась, показав коричневые зубы.

– Ерепенишься?! А вот как лишу тебя наследства, племянничек, чтобы знал, как родственников уважать.

На меня накатила обжигающе ледяной гнев. Лицо застыло безразличной маской, а пальцы сами сжались в кулак.

– Дорогой дядя. Засуньте ваше наследство, – я жестом показал, куда именно.

Глаза «мумии» расширились от удивления.

– Желаю здравствовать! Надеюсь, мы больше не увидимся.

Я резко развернулся на каблуках и вышел из спальни. Дядя что-то хрипел мне вслед, но я не обращал внимания.

Кинуть вещи в саквояж — две минуты. Ещё пять, чтобы выйти из усадьбы. Да пошёл он куда подальше! До ближайшего села три версты, пешком дойду, а там найму транспорт и доеду до Мурома. Обойдёмся и без наследства!

Через минуту меня догнал рыжий Мурзилка. Вскарабкался на плечо и нахохлился там, как ворона. Отлично, нас уже двое, а значит, не пропадём.

* * *

Я не жалел о сделанном. Поменять уже ничего нельзя, так что и переживать нет смысла. Иду себе по лесной дороге, кот на плече сопит, солнышко между ветвей пробивается. Хорошо же! Только саквояж тяжёлый, зараза.

На ходу я переложил груз в другую руку. Ничего, ещё пара вёрст, и будет мне транспорт. Да хоть телега, чтобы не пешком топать. А если не найду и этого, куплю тележку, положу саквояж и буду катить. Самое главное — добраться из этой глуши до Мурома.

Будущее представлялось мне не слишком мрачным. Мне понравилась Россия, и возвращаться в Париж я не собирался. Там я кто был? Студент без денег и перспектив, а здесь — настоящий дворянин и редкий специалист. Сами знаете, деланные маги на дороге не валяются. И пристроить себя к делу будет очень легко.

Могу поехать в Москву и прибиться к Голицыным. Или в

Петербург и поступить на императорскую службу. Или прямо здесь, в Муроме, организовать своё дело. Думаете, не смогу? Ещё как смогу. Я, пока ехал и в окошко смотрел, увидел тысячу возможностей.

Котёнок на плече завозился и мявкнул.

– Что, Мурзилка?

Далеко за спиной послышался шум. Так-с, на зверя не похоже, больше на цокот копыт. Едет кто-то? Я остановился и поставил саквояж на землю. Может, этот кто-то меня подвезёт?

Надежда не оправдалась – ко мне на хорошей скорости приближался экипаж дяди. Тьфу на него ещё раз! Небось, послал за Бобровым, чтобы следующего наследника вёз.

Я подхватил багаж и двинулся по дороге дальше. К моему величайшему удивлению, экипаж затормозил и остановился, перегораживая мне дорогу. Тут же с козел спрыгнул Дворецкий и низко поклонился.

– Константин Платонович, – он отбил второй поклон, – Василий Фёдорович просит вас вернуться.

– Ага, уже бегу и падаю.

– Константин Платонович, не сердитесь. Человек болеет, не в духе, мало ли, что сказать может в сердцах.

Дворецкий поклонился в третий раз.

– Прошу вас, садитесь в экипаж. Василий Фёдорович ждёт вас.

Раздражённо фыркнув, я обошёл его.

– Константин Платонович!

Дворецкий нагнал и бухнулся передо мной на колени.

– Константин Платонович! Умоляю! Съездите, поговорите с дядей. Если после разговора ваше решение не изменится, я лично отвезу вас в Муром.

Мне надоело обходить его раз за разом, и я дал себя уговорить. Так и быть, поговорю со вздорным стариком, и в Муром не придётся идти пешком.

* * *

Через час я снова входил в комнату дяди. Старик уже выглядел не мумией, а просто старым и дряхлым человеком. Держа двумя руками чашку, он, причмокивая, отхлёбывал чай и смотрел на меня усталыми глазами.

– Гордый, да?

Я пожал плечами.

– В наследники к вам я не напрашивался, и оскорбления терпеть не намерен.

– Остынь.

Старик указал на кресло.

– Садись, говорить будем.

Тяжёлый взгляд дяди сверлил меня, вызывая холодок под ложечкой.

– Проверял я тебя, дружок, – старик ухмыльнулся, – без этого нельзя, сам понимать должен. Наследство абы кому не

оставишь.

– И что, я прошёл проверку?

– А сам как думаешь? – Дядя хихикнул совершенно по-детски. – Годишься, не беспокойся. Только молодой и горячий слишком, как бы не обжёгся.

Он откинулся на подушку.

– Вон там книга на столике, возьми да почитай мне. Развлеки старика, наследничек.

Я протянул руку и взял томик в кожаном переплёте. Серьёзно? «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка»? Да ещё и на французском языке? Всё, что угодно, мог ожидать, но только не такую книгу.

– Осторожней, – буркнул старик, – закладку не вырони. Там Настька мне читала, вот с той страницы и продолжай.

Ключница-орка читает на французском? Чего ещё я не знаю о странных обитателях этой усадьбы?

Глава 7

Бастард

Я не прочитал даже страницы, как дядя перебил меня:

– Думаешь, я старый самодур-помещик? Сижу в муромских лесах, тискаю крестьянок, пью запоем и ничего не знаю, что в мире делается?

– Нет.

– Думал-думал, по глазам вижу.

Старик хрипло заржал. Но глаза у него оставались серьёзными.

– В ссылке я, – он резко прекратил смеяться, – по высочайшему повелению матушки нашей императрицы. Не должен покидать усадьбу под страхом смерти.

– За что?

Он криво ухмыльнулся.

– Слышал, как Елизавета Петровна на престол всходила? Полки императорские подняла, Анну Леопольдовну с мужем арестовала, императора малолетнего, Ивана Антоновича... – Старик сбился и закашлялся.

– Так что там с императором?

Дядя покачал головой.

– Если хочешь жить, а не гнить в остроге, даже думать об этом не смей. Не было никакого императора. Никаких Ива-

нов Антоновичей на престол не садилось. Понял? Даже не заикайся об этом.

– Понял, не дурак. Вы на этом погорели?

– Если бы на этом, то в Сибирь бы поехал, в кандалах, – он тяжело вздохнул, – как Остерман с Минихом.

Помолчав немного, дядя кивнул на столик:

– Налей мне чаю, в горле першит.

Поухаживать за стариком было несложно. Я подал ему чашку, и он долго пил, громко прихлёбывая и шлёпая губами.

– В стороне хотел остаться, – вздохнул он, – с одной стороны, за младенца на троне драться не хотел. С другой – не побежал Елизаветке в ножки кланяться. Думал, пройдёт гроза по верхам, не заденет мою норку.

По губам дяди пробежала горькая усмешка.

– Не вышло. Те, кто Елизаветку на трон поднимал, на меня зуб имели. Всё припомнили, перед императрицей змеюкой выставили. Но голову снимать побоялись, слабовато мажё оказалось. Вот и сижу здесь, как жаба на болоте. Эх, вернуться бы туда, выйти со всей силой, когда они на дворец шли, может, и по-другому всё вышло бы.

Он протянул руку и крепко схватил меня за ладонь.

– Если в смутные времена будешь рядом с троном – не повторяй моей ошибки. Держись за свою сторону до конца, даже если безнадёжным кажется. Уж лучше на плаху за дело, чем от тоскидохнуть за безделье. Понял?

Я кивнул.

– А то, что я говорил, – забудь. Матушка наша императрица злопамятна, как сам чёрт. Скажешь слово неосторожное – она тебя в бараний рог согнёт.

– Понял, уже забыл.

– Тогда иди, завтра поговорим. И Настьку мне позови. Пусть лекарство несёт, а то худо мне сделалось.

* * *

Но ни завтра, ни послезавтра дядя меня не звал. Дворецкий с печальным лицом заявил, что Василию Фёдоровичу нездоровится, и в ближайшие дни я могу заниматься, чем угодно. Да хоть в Муром съездить, развлечься.

Нет, в город я не собирался, нечего там пока делать. А вот проехаться по имению, посмотреть деревни, взглянуть, как живут крепостные, – было бы неплохо.

К моему удивлению, Лаврентий Павлович горячо поддержал мою затею:

– Доброе дело, доброе. Земле хозяйский пригляд обязательно нужен. Я сейчас прикажу заложить drojshky, и поедем.

Дрожки? Что за дрожки такие? Оказалось – открытая коляска, запряжённая парой механических лошадей. По хорошей погоде самое то ездить, а в дождь будет неприятно.

Только мы уселись в этот кабриолет, как появилась Наста-

ся Филипповна и бодро полезла к нам.

– С вами поеду, – заявила она и погрозила управляюще-му пальцем. – Знаю я тебя, Лаврентий. Тебе в каждой деревне наливать будут чарку, обратно приедешь, накушавшийся так, что тебя нести придётся.

– Да ты что, Настасьюшка!

– Вот то самое. Что я, не видела, что ли? Кузьма, – командовала ключница, – поехали!

Так мы вчетвером и двинулись объезжать имение.

* * *

В деревне нас ждали. Целая делегация крепостных орков выстроилась на околице деревни: старики в праздничных рубахах, несколько мужчин с напряжёнными лицами и девица в красном сарафане и кокошнике. В руках она держала каравай на вышитом полотенце, который подала мне с поклоном.

– Здравствуйте, барин Константин Платонович!

Я отломил кусочек хлеба, макнул в соль и демонстративно съел. Ёшки-матрёшки, до чего хороша! Не каравай, естественно, а девица. Тонкие черты лица, голубые глаза, чётко очерченные губы, фигура под сарафаном святого с ума сведёт. Только кожа зелёная, как и полагается оркам. С другой стороны, говорят, у короля Франции есть фаворитка – так та вообще чернокожая ифритка из Египта.

– Прошу, барин, – поклонились мне старики, – не побрез-

гуйте нашей трапезой.

Есть мне не хотелось, но за стол я сел. Сделал вид, что пробую, а затем стал расспрашивать. О погоде, об урожае, о проблемах и нуждах. Старикам такое внимание льстило, они стеснялись и поначалу мямлили. Но я переспрашивал, вдавался в детали, и постепенно они разговорились. Однако, жизнь крепостных совсем не сахар.

Ясное дело, главную тревогу вызывал урожай. Подведёт погода – и всё, затягивай ремень ту же. Сдохла лошадь? Беда, семья не сможет вовремя посеять. Да, община поможет, но долги останутся. И ещё много-много таких сложностей. А решать их некому.

Но были некоторые проблемы, с которыми я мог помочь сам, не откладывая в долгий ящик. Например, волки. В Злобино серые твари заглядывали редко, но неделю назад чуть не загрызли в лесу девочку, пошедшую по ягоды. А в соседней деревушке задрали трёх овец – великое разорение для местных.

В паузах между жалобами стариков я бросал взгляды на орку в кокошнике. Ну до чего же красивая! Произведение искусства, а не девица из глухого угла. Она заметила мой интерес. Улыбнулась в ответ, но взгляд отводить не стала. Не робкая красавица, молодец.

Выслушав стариков, мы двинулись дальше.

– Константин Платонович, – обратился ко мне Лаврентий, стоило нам отъехать от деревни, – вы как-то неожиданно по-

вернули нашу увеселительную прогулку. Это вечные проблемы крепостных, ничего нового вы не услышите.

– Вечные, но не решаемые?

Лаврентий развёл руками:

– А что здесь можно поделатъ? Все крепостные так живут. Где-то чуть лучше, где-то чуть хуже, но, по большому счёту, по всей Руси так. Да и не сможете вы ничего поменять – мужики не принимают никаких новшеств.

– Посмотрим.

Я понимал, что управляющий опытней меня в этих делах, но что-то внутри кололо. Может, орки и крепостные, но такую жизнь и врагу не пожелаешь. Надо попробовать сделать для них хоть что-то. А кроме того, нищие крестьяне и мне, когда я вступлю в наследство, богатств не принесут.

В других деревнях было примерно то же самое. Та же бедность и разруха. Но я выслушал все жалобы из принципа.

А вот Лаврентий меня удивил. Он даже под строгим надзором Настасьи Филипповны умудрился набраться, как сапожник. Так что в последней деревне его грузила в дрожки пара дюжих мужиков. Вот, что называется, опыт!

Пока ехали обратно в усадьбу, он проснулся и начал хвастаться, что настоящий лепреконт: мол, и горшок у него есть, и по радуге он бегать умеет. Вот только грозы давно не было, а так бы он показал! Настасья Филипповна только качала головой, а потом шепнула мне:

– Врёт. Нет у него никакого горшка.

– А золото?

– Золото есть. Под половицей во флигеле спрятано.

Мы рассмеялись. Но как можно тише, чтобы не обижать управляющего.

* * *

Я постепенно вживался в роль барина. Не то чтобы сильно хотел, но Дворецкий и ключница всячески этому потворствовали. Скажем, в отличие от Парижа, в усадьбе я начал просыпаться очень рано, едва рассветало. Да и попробуй не проснись, если за окном щебечут птицы, на заднем дворе поют петухи. Так вот, Настасья Филипповна, заметив, что я рано встаю, начала присылать утром ко мне слуг с «кофием». Чтобы я, не поднимаясь с постели, мог испить чашечку.

В усадьбе слуг было немного: три молчаливых орки средних лет, сразу и горничные, и прачки; два молодых орка, подающие блюда за столом и таскающие тяжести; мальчишка-орчонок на посылках; орк-банщик, он же истопник; и повар-человек – весёлый толстяк, громко поющий на кухне во время готовки. Кофий утром мне приносили орки служанки. Но этим утром у меня чуть челюсть на пол не рухнула.

Дверь открылась, и в комнату с подносом в руках вплыла орка – та, что вчера подносила мне каравай в деревне. Я даже глаза на всякий случай протёр. Нет, не показалось.

– Доброе утро, барин!

Она улыбалась, сверкая клыками. Голос был низкий, с лёгкой, едва заметной хрипотцой.

– Доброго.

Откуда она здесь? Видимо, этот вопрос у меня читался на лице, и орка сказала:

– Настасья Филипповна приказала мне теперь в усадьбе служить.

– Вчера?

– Нет, сегодня утром за мной прислала.

Быстро у них здесь! Я только проснулся, за окном рассвет, а она успела сюда добежать, выслушать указание и кофий мне принести.

– Приятного аппетита!

Орка отдала мне чашечку, стеснительно улыбнулась и сбегала из комнаты. Однако надо переговорить с ключницей. Зачем она девушку из деревни выдернула? Не ради же моего хорошего настроения?

Но разговор с Настасьей Филипповной откладывался. Я только заканчивал завтрак, а в столовую вбежал запыхавшийся слуга:

– Барин, там это!

– Отдышись и скажи нормально.

– Приехали! Вас видеть хотят!

– Меня? Может, Василия Фёдоровича?

– Нет, точно вас. Спрашивают: где молодой барин? Зови, говорят, у нас к нему разговор.

Кхм, интересная новость. А ведь меня в России никто не знает, кроме Боброва. И это гарантированно не он. Значит – что? Значит, ничего хорошего мне не привезли.

Я не стал торопиться. Надо – подождут. Спокойно доел, а затем поднялся к себе в спальню и сунул за пояс «студенческую» пистоль. Да, в случае чего, никого из неё не убьёшь. Но вывести из игры человека – очень даже просто. А теперь можно и посмотреть, кого принесла нелёгкая.

* * *

Их было двое. Кучер, сидевший на козлах открытой коляски, и дворянин, нервно расхаживавший из стороны в сторону. Впрочем, первого можно не считать.

– Доброго утра, – я решил не идти сразу на конфликт, а выяснить для начала, что надо этому господинчику.

– Урусов? – Незнакомец близоруко прищурился, рассматривая меня. – Константин?

– С кем имею честь?

– Вадим Петрович, – дворянин дёрнул щекой, – сын графа Шереметева.

Судя по обывательскому имени, отсутствию личного титула и уточнению, «сын», Вадим Петрович, – бастард. Но признанный отцом. Уж не за владение ли Талантом? Интересно.

– Да, я Урусов. Что вы хотели?

– Мы можем поговорить без свидетелей?

– Хм... Пройдёмте в парк, там нас никто не побеспокоит.

На самом деле, это вовсе не парк, а просто липовая аллея, идущая вокруг пруда. Но за неимением лучшего я называл её парком.

Пока мы обходили правое крыло усадьбы, неожиданный гость напряжённо молчал. Было видно – разговор со мной его не радует. Папенька дал неприятное задание? Или сам напросился? Знать бы заранее, что этот тип скажет.

– Итак, я вас слушаю.

Бастард поджал губы, зыркнул на меня и сказал:

– Я приехал сообщить, что вы должны отказаться от наследства.

– Что?!

– Официально откажитесь от наследства и уезжайте, сегодня же.

У меня от такой наглости дыхание перехватило. Ничего себе заявления! Может, им ещё голым на столе станцевать? Нет? Не желают?

– Вы получите за это двадцать тысяч. Хотите золотом, хотите ассигнациями, – бастард не унимался, – но уехать вы должны немедленно.

– Я, кажется, плохо вас расслышал, Вадим Петрович.

– Могу повторить. Двадцать тысяч.

– Нет, сумму я услышал. Но вы слишком тихо сказали, зачем мне это делать. Каюсь, видимо, невнимательно слушал.

Он насупился.

– Это неважно. Получите деньги и уезжайте. Всё ваше имение стоит меньше, вы ни в чём не прогадаете.

– Я не покупаю котов в мешке, уважаемый. Если мне не ясна причина сделки, заключать её я не буду. Уж извините!

Лицо Вадима Петровича стало красным. Злишься? Очень хорошо!

Секунд двадцать он молчал, зло уставясь на меня. Потом взял себя в руки, глубоко вдохнул и ответил:

– Твой дядя, – он внезапно перешёл на «ты», – кое-чем обладает. И это наследство он должен вернуть в род Шереметевых. А ты посторонний! Не тебе владеть достоянием рода.

Нормальненько так.

– Подозреваю, Василий Фёдорович не хочет его вам возвращать, да?

Судя по лицу гостя, дядя показал им здоровенную фигуру.

– Увы, дорогой мой Вадим Петрович, увы. Я не могу идти против воли дяди. Или вы хотите заставить меня нарушить волю умирающего?

Шереметевский сынок противно улыбнулся.

– Ты пожалеешь об этом. Отец проявил излишнее благородство, предложив тебе деньги и достойный выход. Но теперь мы поступим по-моему.

У меня засосало под ложечкой – бастард призывал Талант и собирался его использовать против меня.

Глава 8

Наследство

Бастард – он и есть бастард. Талант у Шереметева оказался жидковат – он взмахнул рукой и чуть помедлил, собирая силы. Но этого мгновения мне хватило, чтобы кувырнуться в ближайшие кусты.

Пух!

Зелёные листья превратились в серый пепел, а ветки занялись пламенем. Вот зараза! Мне пришлось откатиться по земле, чтобы не сгореть заживо.

Пусть у него и слабый Талант, но против меня довольно и этого. Сожжёт и не поморщится. Не может деланный сражаться против урождённого, это все знают.

Но для таких случаев у меня в рукаве была козырная шестёрка. Пучок соломки, подстеленной на всякий случай. Нашее у меня болталась медная подвеска на верёвочке. Пальцы сами нащупали её и согнули выступающий край.

Даже через рубашку я почувствовал, как нагрелась медная пластинка. Три Знака и маленькая Печать сработали, укрывая меня волшебным пологом.

– Где ты? – заревел бастард. – Выйди и умри, как мужчина!

Ага, прямо сейчас, бегу и падаю. Я встал с земли и выта-

шил пистоль.

Через пламя фигура Шереметева казалась размытым призраком. Но взмах руки для нового удара я разглядел отчётливо и, не раздумывая, выстрелил в растопыренную ладонь.

Бух!

– А-а-а-а!

Попал! Замечательно.

То ли от боли, то ли от злости, но бастард ответил ударом на мой выстрел. На этот раз не огнём, а яростным порывом ветра.

Воздушное крыло задуло стену огня, а затем ударило меня в грудь. Повалило обратно на землю и протащило по траве десятков шагов. В глазах потемнело, и я чуть не потерял сознание.

Увы, не тягаться мне с бастардом. Подвеска треснула, Знаки погасли, а других заготовок не было.

Вот и всё. Шереметев шёл прямо на меня. Злой, как чёрт, с окровавленной рукой. Похоже, выстрел из пистолы оторвал ему несколько пальцев, но не лишил возможности убивать магией.

Я скривился от боли, пытаюсь встать. Если уж умирать, то стоя, с честью и насмешкой над врагом. Подъём, деланный! Может быть, тебе повезёт, и ты сможешь отстрелить этому гаду ещё что-нибудь выступающее.

Шёл бастард быстрее, чем я поднимался. Ни за что бы не успел встретить его на ногах, если бы не рыжая тень, мельк-

нувшая у земли.

Подобрыш Мурзилка с яростным мявом бросился на Шереметева. В одно мгновение взлетел к голове, цепляясь за одежду, и вцепился зубами и когтями ему в ухо.

– А-а-а!

Орал бастард так, будто ему голову откручивали. Попытался схватить Мурзилку искалеченной рукой, но лишь перемазался кровью. Он замотал головой, и котёнок повис на разодранном ухе, как экзотическая серьга. Кожа не выдержала, порвалась, и Мурзилка улетел куда-то в кусты, размахивая лапами и яростно вереща.

Этой передышки мне хватило, чтобы подняться и навести пистоль на окровавленного Шереметева. Сейчас узнаем, кто быстрее – магия Таланта или колдовство, вложенное в оружие.

– Отойди, племянничек.

Я обернулся на голос. По лужайке Дворецкий катил большое кресло на колёсиках, в котором сидел дядя. На лице старика блуждала радостная и хищная улыбка.

– Не загораживай нашего гостя. Мне как раз хватит сил, чтобы прибить шереметевского ублюдка.

Может, бастард и был бесчестной сволочью, но дураком он не был. Его фигуру окутало мерцание колдовского щита. Не дожидаясь, пока дядя атакует, он бросился наутёк. Вихляя, как заяц, пробежал между деревьями и скрылся за домом.

– Жаль, – дядя усмехнулся и посмотрел на меня. – Идём, надо поговорить.

* * *

Дворецкий откатил кресло в спальню и уложил дядю в постель. Минут двадцать тот ворочался, устраиваясь поудобнее, жаловался на жизнь, слишком жёсткую постель, ленивых слуг и на весь несовершенный мир вообще. Дворецкий слушал монолог с каменным лицом и только поддакивал.

– Видел? – указал дядя на него. – Кремень, а не человек. Что ни говорю – и глазом не поведёт.

Он засмеялся и шутливо ткнул Дворецкого кулаком.

– Гвардеец! А теперь чаю мне налей, покрепче.

Выпив залпом здоровенную чашку, дядя посмотрел на меня.

– Талант хотел себе?

Я пожал плечами. Какой глупый вопрос!

– Смысл его хотеть? Если при рождении бог не дал, то не купишь и не украдёшь. Всё равно, как безруким ждать, что ладошка отрастёт.

Драка явно привела дядю в хорошее расположение духа. Он снова засмеялся и покачал головой.

– Талант Таланту рознь, – старик внезапно перестал хохотать и посмотрел на меня тяжёлым взглядом. – Будет тебе Талант.

А не спятил ли дядя на старости лет, случаем? Может, попросить Дворецкого, чтобы связал его? Вдруг буянить начнёт, ещё поранится.

– Думаешь, я в маразм впал? Нет, дружок, ошибаешься.

Дядя протянул Дворецкому чашку, дождался, пока тот наполнит её, и сделал громкий глоток.

– Ты, когда ехал, что думал? Что я тебе в наследство имение оставляю? Да тьфу на него сто раз. Мелочь это, остатки роскоши. Я, считай, все богатства, что имел, прогулял давно.

Он улыбнулся, будто бы сам себе, вспоминая весёлые деньки. А затем снова стал серьёзным и поманил меня пальцем.

Стоило мне подойти ближе, дядя ухватил меня за камзол и притянул к себе.

– Знаешь, кто я? А? Не знаешь. Я, племянничек, некромант.

Точно, спятил. Какой ещё некромант? Да я в жизни такой пурги не слышал.

– Редкий у меня Талант, особый, – дядя продолжал шептать мне в лицо. – Детишки с ним, почитай, и не рождаются. И в могилку его забрать нельзя – не принимает смерть таких, как я. Но вот подарить чёрный Талант можно.

Он отпустил меня и откинулся на подушку.

– Мало нас, некромантов, потому и не знает почти никто. В России только я да инок один, триста лет в дальнем скиту грехи замаливает. В Европке двое да в Катае один. А больше

и нету.

Дядя устало улыбнулся.

– Сколько мне лет? Угадай, племянничек.

– Девяносто?

Он покачал головой.

– Сто? Нет? Ещё больше?!

В смехе дяди была грусть.

– Я первого покойника при Василии Тёмном поднял. Вот и посчитай, сколько мне лет.

Он потребовал ещё чаю и продолжил:

– Не веришь, племянничек? Подозреваешь, что я из ума выжил или насмехаюсь от безделья? Ничего, я тебе докажу. Послезавтра ночью на погост пойдём, покажу, как Талант работает. Поднимем с тобой покойничка в четыре руки, ты сам и убедишься. Всё, иди, спать буду. Старый я уже драться со всякими Шереметевыми. Не мог, что ли, сам его пристукнуть?

Когда я выходил из спальни, дядя всё ворчал и ворчал. А Дворецкий всё так же невозмутимо поправлял ему одеяло.

* * *

Утром, во время завтрака, блюда мне подавала та самая орка. Ёшки-матрёшки, как она на меня смотрит! Аж дымит-ся всё, будто пожар в лесу начинается. Нет, обязательно надо поговорить с ключницей, зачем она эту провокацию устрои-

ла. Ни за что не поверю, что случайно так вышло.

Поскольку дядя сегодня не желал меня видеть, я отправился в маленький флигель, где жил управляющий Лаврентий. После того, что я увидел в деревнях, было бы интересно узнать о доходах имения.

Старичок, увидев меня, неожиданно обрадовался.

– Константин Платонович! Проходите, не стойте в дверях. Вы просто так или по делу?

– По делу, Лаврентий Павлович, по делу. Хочу разобраться в финансовых делах имения.

– Замечательно! Просто замечательно! Вы не поверите, но ваш дядя не баловал меня своим вниманием. Сами понимаете, последние годы ему было не до этого, и мне приходилось тащить груз в одиночку. Прошу садитесь. Кофий будете? Я его сам себе варю, никому не доверяю. Он ведь напиток изысканный, требует бережного обращения.

– Давайте кофий и поговорим.

Лаврентий засуетился. Достал жаровню, быстро разжёг огонь и поставил на него медный кофейник.

– Ах, Константин Платонович, как я рад вашему визиту. Целыми днями в одиночестве сижу, слова сказать некому. А ведь мне тоже хочется, чтобы оценили мою работу. Да похвалили, да хоть головой покачали. Но нет, уже давно никто не ходит.

Пока он болтал, кофий закипел, и старичок разлил его по двум чашечкам.

– Прошу! Оцените вкус. Это не та бурда, что наш повар делает. Чувствуете?

– Кардамон? И мускатный орех, кажется.

– Да, точно, – Лаврентий расплылся в улыбке. – А вы знаток! Всё-всё, не отвлекаю, пейте спокойно.

– Лаврентий Павлович, – я отпил глоток и спросил:

– Не пойму, кто вы. Не эльф, не гном. Но и не человек.

– Ой, я же, вроде, говорил на днях. Нет? Лепрекон я.

Старичок зажмурился, и по его лицу побежали густые морщинки.

– Ах, молодость-молодость! За некоторые ошибки приходится платить всю жизнь, Константин Платонович. Мне пришлось уехать с островов Эриу ещё юным безусым мальчишкой. Лет двадцать я мотался по Европе, пока не встретил Василия Фёдоровича. И вот оказался здесь.

Он посмотрел на меня задорным взглядом.

– Сразу скажу – горшка с волшебным золотом у меня нет, и радугу вызывать не умею. Растерял всё, пока скитался.

Ах жук! Сам, между прочим, позавчера говорил совершенно другое. Любит он прихвастнуть, когда выпьет.

– Но деньги считать люблю, не без этого.

– Тогда расскажите, что у нас с финансами и имением.

Лаврентий отставил пустую чашечку и выложил на стол толстую книгу.

– Самое положительное, что могу сообщить, – имение не в залоге.

– Уже хорошо.

– А вот доходами порадовать не могу, – он покачал головой. – Если тысяча рублей набежит, считайте, удачный год был. Не слишком много, но ваш дядя жил скромно, особенно последние годы, трат больших не имел, в карты не проигрывался. Так что капиталец тысяч в пять скопился.

– Лаврентий Павлович, скажите мне честно, какие у нас перспективы? Что можно сделать для увеличения доходов от имения?

Управляющий дёрнул плечом.

– Можно увеличить оброк, небольшой задел на это есть. Василий Фёдорович не усердствовал и не выжимал всё до копейки. Опять же, брать мужиков на барщину, корчевать лес, и увеличить посевы рядом с усадьбой. Рублей пятьсот наскрести получится.

Я покачал головой. Нет, это не наш метод. Что выжить-то? И так нищета повальная, спасибо, что крепостные впроголодь не живут. Полагаю, у соседей дела идут получше, но и люди живут хуже. Нужны другие методы, чтобы кардинально поменять ситуацию.

– Спасибо, Лаврентий Павлович, я понял. Скажите, какие дядя дал указания по деньгам? Могу ли я воспользоваться некоторой суммой?

– Даже не знаю. Василий Фёдорович не давал на этот счёт указаний. Полагаю...

– Вы поговорите с ним, и он даст разрешение.

Старичок несколько раз мигнул. Он, видимо, подумал, что я хочу взять деньги без ведома дяди.

– Хорошо, так и сделаю. Какая сумма вам требуется? Золотом, серебром, ассигнациями?

– Никакой наличности. Разрешите, я воспользуюсь бумагой и пером?

Взяв чистый лист, я, почти не задумываясь, набросал список.

– Вот, держите. Сможете организовать закупку и доставку в поместье?

Лаврентий пробежал глазами по списку. С каждым следующим пунктом брови у него поднимались всё выше и выше, будто он собрался запускать их в межмировой эфир.

– Простите, любезный Константин Платонович. Я, наверное, чего-то не понимаю. Кирпичи? Чугун? Алхимические тигли?! Вы не ошиблись?

– Ничуть, – я старался не улыбаться, видя, как ошарашил лепрекона, – всё верно.

– Честно говоря, ожидал от вас чего угодно, но только не этого. – Во взгляде Лаврентия появился неподдельный интерес. – Расскажите, для чего вам это?

– Хочу сделать небольшую механическую мастерскую. Старичок покачал головой.

– Если об этом узнают в Муроме, их там удар хватит. Обскакать целый город! Вот увидите – городничий будет надуться, кричать, что тоже откроет такое же передовое заве-

дение, но по итогу деньги разворуют, и вы будете монополистом.

– Увы, я не собираюсь брать посторонние заказы.

– Почему?!

– Есть несколько отличных идей, которые надо попробовать. Вот осуществим – тогда и подумаем о работе на заказчиков.

– Вам виднее, Константин Платонович. Не волнуйтесь, на такое дело я найду деньги. Если Василий Фёдорович не захочет давать, поищу в закромах у себя.

На этом мы и разошлись. Я оставил лепрекона искать финансирование, а сам отправился искать ключницу.

Глава 9

Татьяна

Наблюдая за жизнью усадьбы, я сделал забавный вывод. Кто главный в усадьбе? Кто знает обо всём, происходящем в доме? Дядя болен и не выходит из спальни. Дворецкий занят уходом за дядей, в вопросы хозяйства почти не вмешивается. Управляющий сидит в своём флигеле, как сыч. Вот и получается, что ничего в усадьбе, да и во всём имении, не происходит без ведома ключницы.

Настасья Филипповна, скромная и незаметная, управляла делами железной рукой. Слуги ей докладывали всё и обо всех, Дворецкий и Лаврентий согласовывали с ключницей решения, крепостные в рот заглядывали. Серый кардинал, не иначе.

А значит, какой вывод? Надо установить с ней близкие и доверительные отношения. Если я собираюсь получить усадьбу в наследство, ключница просто обязана быть на моей стороне.

И ещё один вопрос меня беспокоил: зачем она вызвала в усадьбу ту орку? Горничных не хватало? А может, это ловушка для меня? Или проверка? Я обязан выяснить, причём аккуратно, не делая резких движений.

Так что я специально прошёлся по дому, разыскивая На-

стасью Филипповну. Впрочем, это было несложно: строгий голос ключницы далеко разносился по коридорам и комнатам.

– Живее работай, Тришка! Я всё вижу – дурака ты валяешь. Кто так паркет натирает? Ногами шибче двигай!

Я пошёл на голос и обнаружил ключницу в столовой, где под её суровым взором слуги натирали паркет щётками.

– Всё в делах, Настасья Филипповна?

– Ой, и не говорите, Константин Платонович, – она махнула рукой. – Разве этих олухов оставишь без присмотра? Бездельничают, негодники!

Ключница погрозила пальцем, отчего оба слуги потупились и демонстративно прибавили скорость.

– А не выпить ли нам чаю, Настасья Филипповна? Составите мне компанию?

Судя по глазам, ключнице такое предложение оказалось приятным.

– Ой, у меня столько дел, – для приличия она попыталась отказать и показала на орков. – Без меня же не сделают, как надо.

– Сделают, – я строго посмотрел на слуг. – Так ведь? Молодые орки часто закивали.

– Не извольте сомневаться!

– Мы быстро натрём!

– Как положено!

Так что Настасья Филипповна дала себя уговорить поча-

ёвничать.

— На балконе сядем, — согласилась она, — сейчас же прикажу накрыть.

* * *

Балкон на втором этаже усадьбы оказался замечательным местом. И как я раньше его не заметил? Не жарко, свежий воздух, кадки с фикусами стоят, и вид оттуда на пруд с лесом. Пожалуй, здесь сидеть с книгами будет получше, чем у себя в комнате.

Две орки-горничные поставили на стол пузатый медный самовар, расписной заварник, чашки, блюда, вазочки с разным вареньем, мёд, бублики, баранки.

— Садитесь, Настасья Филипповна, дайте ногам отдых, — я улыбнулся ключнице. — Давайте, я за вами поухаживаю.

Я взял её чашечку и подставил под носик самовара.

— Что вы, что вы, Константин Платонович, — замахала она руками, — я сама!

— Настасья Филипповна, мы же свои. Называйте меня просто Костя, в самом-то деле. Вы же мне в матери годитесь, прямо неудобно.

— Прямо льстите мне. В матери! Скорее, в бабки.

Ни за что бы не поверил, но она засмушалась. Румянец на зелёных щеках выглядел забавно, а в глазах появились искорки.

– Так уж и в бабки? Вы на столько лет не выглядите.

– Ой, льстец! Я Василию Фёдоровичу, почитай, лет пятьдесят служу. Вас, Константин Платонович, лялькой ещё видела, на руках качала.

– Костя, умоляю вас, просто Костя.

– Ладно, уговорили, – орка прищурилась от удовольствия, – буду по-семейному Костей звать. Но только без посторонних, уж не обессудьте. Чтобы ни мне, ни вам урону не было.

Я согласно кивнул и налил чаю уже себе.

– Настасья Филипповна, хотел с вами посоветоваться.

– Да-да?

– Думаю поставить механическую мастерскую.

– Хорошее дело, полезительное.

– Вот только шуметь будет, дым, копоть. Рядом с усадьбой не место ей. А далеко ставить не хочется, чтобы под рукой была, особенно зимой.

– Тоже верно, – кивнула ключница, – не набегаяшься, коли в том же Злобино ставить. Дай-ка подумаю.

Она прищурилась, покрутила головой, окидывая взглядом территорию усадьбы.

– За парком близковато, – тихонько бубнила она, – за логом далеко, у дороги нехорошо, лишние глаза.

Хмыкнув, ключница повернулась ко мне.

– Ставь за ручьём. И не слышно будет, там берёзки растут, и пешком дойти можно.

– За ручьём? А это где?

– Да вон же, – она указала рукой, – видишь? Левее сосны.

Ага, теперь вижу. Честно говоря, мне показалось, что это маленькая речушка. Достаточно глубокая и полноводная.

– Интересно, а ручей там запрудить не получится?

– Получится, – орка кивнула. – Василий Фёдорович думал одно время, хотел себе там угодье для рыбалки сделать. Ох, и мастак он с удочкой посидеть! Да и ты, Костя, видать, в него.

– Нет, – я улыбнулся, – рыбачить не люблю.

– А для чего тогда?

– Водяное колесо хочу поставить.

– Мельницу, что ли, собрался делать?

– Для мастерской.

Ключница неожиданно заинтересовалась – за какой это надобностью колесо? Пришлось объяснить ей на пальцах: меха кузнечные качать, станки, если получится, наладить, вентиляцию в мастерской. Последнее я подглядел в лаборатории сорбоннского алхимика: большая труба под потолком, и там лопасти вращаются. Алхимикам без такой штуки плохо, у них реактивы ядовитые, того и гляди, потравишься. Но в механической мастерской такая шутка тоже пригодится.

– Ты смотри, чего только не придумают, – ключница покачала головой, – ишь, как!

Теперь уже она подлила мне чай и пододвинула вазочку с вареньем.

– Из ревеня, по бабушкиному рецепту варила, на меду.

Я попробовал и оценил. Вкус – специфический!

На балкон всплыла орка, та самая, из деревни. Обожгла меня горячим взглядом, поставила на стол блюдо с пирожками и так же молча удалилась.

– Настасья Филипповна, – я сделал голос чуть тише и наклонился в сторону ключницы, – а вы эту девушку ведь не просто так в усадьбу взяли?

– Таньку?

Ага, она зовётся Татьяной, значит.

– Угадал, специально её взяла. Девка красивая, умная. Да и ты на неё так смотрел, слепой не заметит.

Я почувствовал, как у меня краснеют уши. А ключница рассмеялась.

– Шучу я, Костенька. Крестница это моя, считай, с самого младенчества её знаю.

Настасья Филипповна покачала головой.

– Мать у неё померла, и года ей не было. Отец вторую жену взял, там и другие дети пошли. Ясное дело, не сахар без родной матери жить. А когда ещё три сестры, то из приданого у неё только смазливое личико и есть.

Вздохнув и отхлебнув чаю, ключница продолжила:

– Её мельник посватать собирался. Да разве молодой девке старый боров нужен? Он уже третью жену пережил, бил их страшно. И Таньку бы пришиб, она на язык слишком бойкая. Вот я и забрала её, не будет никакой свадьбы.

На лице орки мелькнула хитрая усмешка.

– Пусть учится, глядишь, наберётся ума. А там и мне на замену будет, я ведь уже старая, лет десять, и всё.

Она со значением подмигнула мне. Ёшки-матрёшки, ну и социальные лифты в деревне! Ладно, пусть пока кофе подаёт, мне нравится, как она это делает, а там посмотрим.

* * *

Весь следующий день я посвятил будущей мастерской. Вместе с кузнецом мы осмотрели поле за ручьём, и оба согласились – ключница права. Лучшего места не найти. Мы прикинули, где что строить: плотину, дорогу сюда и мост. По тому брёвнышку, что сейчас перекинута через ручей, только детям бегать. А нам придётся возить сюда немаленькие грузы.

– Не беспокойтесь, барин, – громко басил кузнец, – мост я сам налажу, пока кирпичи везут. Дело нехитрое, за пару недель управлюсь.

– Тогда начинай, не будем откладывать.

Заодно я присмотрел неплохой выход глины в соседнем овражке. Тоже в хозяйстве пригодится, хоть и позапрошлый век, сейчас из неё формы уже не делают. С другой стороны, я не в Париже, надо пользоваться всем, что есть.

В усадьбу я вернулся к ужину. Не успел поесть, как в столовую Дворецкий вкатил знакомое кресло на колёсиках.

– Ну что, племянничек. – Дядя, закутанный в бараний ту-

луп, выглядел не мумией, а просто мёрзнувшим стариком. – Готов идти на погост? Не струсил?

Я отодвинул тарелку и поднялся.

– Не имею такой привычки. Готов.

– Молодец, хвалю. Тогда прямо сейчас и поедем.

Ехал в нашей компании один дядя, в своём кресле. Остальные – я, Дворецкий и подкидыш Мурза, шли пешком. Котёнку тоже стало интересно, куда это мы на ночь глядя, и он увязался следом.

На кладбище вела дорожка, выложенная белым кирпичом. Ровная, гладкая, именно такая, чтобы могло проехать кресло. Видать, дядя сюда часто навещался. Осталось выяснить – зачем? Регулярно поднимает покойников для беседы? Если, конечно, правда, что он некромант. А я в этом сомневаюсь – ничего похожего ни в одной книге не видел!

При лунном свете маленький погост выглядел зловеще. Десятков пять покосившихся деревянных крестов, длинные прозрачные тени от них, деревья рядом будто шепчут от ветра.

– Вон там, – дядя указал рукой, – старые хозяева усадьбы лежат. Сын их мне и продал её, как они померли. Через три года вернулся, как всё растратил. На коленях ползал: отдай наследство, родители здесь лежат. Тоже мне, блудный сын.

Спрашивать, что случилось с этим парнем, я не стал, – и так понятно.

– А вон там крепостные, из слуг. Туда вези, Фрола подни-

мать буду.

Крест, под которым лежал крепостной, покосился больше других. Земля на могиле была взрыхлённая, но ни единой травинки или цветка на ней не росло.

– Линии эфира видеть умеешь? – Дядя посмотрел на меня тяжёлым взглядом.

– Умею.

Хоть Талантом я обделён, кое-что из врождённых умений мне доступно. Например, видеть эфир. Природные течения и сгустки, колдовские нити, которые плетут деланные, «молнии» Талантов, волны магических приливов. А ещё могу наблюдать ветер мирового эфира, «летающего со звёзд и омывающего земной шар». Пожалуй, это самое прекрасное, что мне доводилось видеть в жизни.

– Тогда смотри внимательно, – голос дяди стал каркающим, – чтобы не говорил потом, мол, фокусы и обман.

Старик протянул руку в сторону могилы. Пальцы, похожие в темноте на птичью лапу, сжались, будто хватая невидимый комок.

Мне почти не доводилось видеть в подробностях, как работают маги с Талантом. А вот колдовство деланных я знаю в деталях. Честно скажу, очень много там намешано из архаичных трудов средневековья. Любой деланный начинает учёбу с зубрёжки древних «заклинаний». Но никакой реальной силой они не обладают – только на второй год наставники объясняют, что это просто формулы для запоминания.

Шепчешь такую абракадабру на латинском – и знаешь, какие Знаки надо рисовать. Мало кто из деланных избавляется от привычки бормотать эту белиберду, отчего простолюдины и думают про тайные заговоры.

Дядя точно ничего не шептал. И даже рукой больше не шевелил, застыв, как изваяние. Но от его пальцев потекли эфирные нити, серые и очень тонкие. Эта пряжа собралась в комок и нырнула в землю ровно перед крестом.

– Смотри, – снова каркнул старик.

Комья сырой глины зашевелились, пошли рябью, как вода от упавшего камня, запрыгали на месте, разбиваясь на мелкие кусочки.

На что смотреть-то? Я тупо не понимал, что происходит. Эфир бурлил, как вода на огне. Нити превратились в широкие ленты, сплетающиеся змеями. Да я в жизни такого не видел! Знаки и Печати, которые я могу сделать, и близко не подходили на это безумие. Нет, если я начерчу схему этого колдовства, просижу годик-другой, анализируя потоки, я, может, и разберусь... Но вот так, с ходу? Я не знаю, что это!

Земля на могиле треснула, как переспелый арбуз. Из чёрной глубины вынырнула рука – одни кости, непонятно как державшиеся вместе. Костяная ладонь зацепилась за край трещины, впиалась жёлтыми фалангами и полезла наружу.

Глава 10

Слуга Смерти

Из тёмного провала показался жёлтый череп. Оскаленные зубы, горящие призрачным огнём глаза, комья земли, прилипшие к костям. Меня аж передёрнуло от такого зрелища. Жуть несусветная!

Мертвец щёлкнул зубами и гадко зашипел. Погодите-ка минутку. Это не шипение, это слова. Разобрать, что он там бормочет, было почти невозможно, только одно слово я услышал достаточно чётко: «Хлеба». Да ну! Скелет просит хлеба?

Я оторвал взгляд от покойника. Рядом со мной сидел Мурзилка и спокойно умывался лапкой, совершенно не обращая внимания на происходящее. Так-так, то ли у меня котёнок привычный к такому зрелищу, то ли кто-то меня дурит. Я посмотрел на дядю и уверился в последнем: в глазах старика плясали весёлые искорки. Нет, Талант у него, определённо, есть, раз устроил такое действо. Но покойник – во-все не мёртвый кадавр, поднятый магией, а что-то совсем другое.

– Ну как, убедился? – Дядя хрипло засмеялся.

– Верю. Только заканчивайте это представление, мне не страшно.

Дядя скорчил недовольное лицо.

– Скучный ты, племянничек. Мог бы и подыграть старику. Что за молодёжь пошла? Никакого страха перед старшими и покойниками. Куда этот мир катится? Ты ему мертвеца показываешь, а он только плечами пожимает. Эдак вы и царей уважать перестанете.

Василий Фёдорович полез в карман и вытащил кусок хлеба.

– Держи, Фрол. Спи, раз на небушко не хочешь.

Он бросил хлеб на землю, поближе к мёртвой руке.

Череп скрипнул зубами, скорее, жалобно, чем злобно. Костяные пальцы ухватили гостинец, и мертвец полез обратно в землю. Секунда, и провал на могиле затянулся, будто бы и не было.

– Поехали назад, – буркнул дядя. – Всё удовольствие испортил.

Дворецкий, всё представление молчавший, так же, без слов, развернул кресло и покатил обратно к усадьбе. И только на меня посмотрел осуждающим взглядом – мол, не дал старику потешиться, мог бы изобразить испуг и почтение. Да ну вас к лешему! Я что, сюда приехал развлекать престарелых магов? Тоже мне, нашли скомороха.

Уже возле усадьбы дядя потребовал от Дворецкого:

– Накрой нам в столовой, мне чай, ему водки, закуски какой. Разговаривать будем, раз умный.

– Василий Фёдорович, поздно уже. У вас режим, лечь на-

добно.

– Сейчас ты у меня ляжешь, – дядя зло сверкнул глазами. – Сказал – в столовой, значит, есть силы. Что за день такой? Один не боится, другой указывает. Сослать бы обоих на каторгу в Сибирь, да Настьке кресло тяжело катать будет одной.

* * *

В столовой остались только трое: я, дядя и котёнок. Мурзилка устроился у меня на коленях и задрых, свернувшись клубочком.

Дядя медленно пил чай и не торопился начинать разговор. А я налил себе рюмку из штофа и хлопнул под солёный гриб. Исключительно для пользы здоровья – после ночной прогулки слегка продрог.

– Прав ты, племянничек, – отставив чашку, дядя впился в меня цепким взглядом.

– Это был обман?

– Скорее, представление, как в театре. Покойник-то настоящий был.

– Но вы его не оживляли.

– Верно думаешь. По-настоящему оживить покойника только Господь может. А Фрол – заложный мертвец.

– Это как?

– Лет сто назад или больше неурожай здесь был. Пухли

крестьяне с голоду, лыко ели. Вот Фрол и помер. А душа не успокоилась, не летит в рай, всё хлеба просит. Раз в год начинает он в могиле ворочаться, молит, чтоб покормили, на смерть тяжкую жалуется.

Старик вздохнул.

– Жалко мне его, неприкаянного. Зову его, он и выходит. Дам хлеба кусок, Фрол и засыпает ещё на год. Страшная смерть, если от голода, вот и не может до конца помереть.

Не ожидал я такого поворота. Судьба бедняги Фрола была жуткой, аж мороз по коже продрал.

– Редко заложенные покойники встречаются. Но если нашёл такого – сможешь поднять. Если, конечно, Талант мой при-
мешь.

– Это всё, что он может?

– Не всё, – дядя усмехнулся, – допросить мертвеца можешь. Если сороковой день не прошёл, покойник тебе на любой вопрос ответит. Думаешь, для чего меня царь Пётр при себе держал? А потом и Катька, и Бирон ко мне бегали? Всю правду хотели знать, особенно, если заговорщик на дыбе умер.

Какая неприятная профессия, на мой вкус. Человек после пыток отмучился, помер, а его и за порогом достали. Б-р-р-р!

– Жаль, цари наши не понимают: не умеют покойники врать, режут правду, как по живому, а от правды той только хуже становится.

Я кивнул. Хотя и не умею мертвяков допрашивать, а в архивах работать приходилось. Иной раз такое найдёшь, что сжечь хочется: и бумаги, и людей.

– Но учти: допрашивать можно, только если тебе архиерей грамоту с разрешением выписал. Если нет – хоть на плаху ложись, но не соглашайся. Грех это великий.

Лицо дяди посерело, будто он вспомнил что-то ужасное.

– Год потом черти будут приходить и изводить.

– К вам приходили, да? – Я не мог не спросить.

– Не твоего ума дело, – окрысился дядя. – Я тебя предупредил, а там разбирайся сам.

Мы оба надолго замолчали. Водки мне больше не хотелось, и я налил себе чаю. Старик аж хрюкнул от такого святотатства. Ему, похоже, самому очень хотелось приложиться к штофу, но здоровье не позволяло.

– Талант ещё что-то умеет, кроме допроса и призыва заложных? – нарушил я тишину.

– Да, как и любой другой. Можешь, как опричники, молниями кидаться или огнём бить. Ничем наш Талант не хуже ихних.

О как, Талант уже «наш». Похоже, дядя уверен, что я соглашусь его принять.

– Только есть в нём одна порча.

– Порча?

– Да, – лицо дядя стало донельзя серьёзным, – мы со Смертью повязаны накрепко. Будешь её видеть.

– Не понимаю.

– Через Талант видно, если человеку умереть на роду написано. День там, два. Иногда за месяц разглядеть получается.

Старик пожевал губами, будто решаясь сказать.

– Тень над царём Петром я за два месяца разглядел. С другими по-разному видел: то за день, то за неделю. Только рассказывать об этом нельзя – Смерть ревнива, не терпит такого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.